

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ

БИБЛИОГРАФИЯ

«КЛАССИКИ ВОСТОКА»

«Les Classiques de l'Orient» collection publiée sous le patronage de l'Association Française des Amis de l'Orient et la direction de *Victor Goloubew*. Editions: *Bossard*, Paris.

В 1920 г. началось в Париже чрезвычайно интересное издание — «Классики Востока», — преследующее, повидимому, те же цели, что и восточный отдел нашей «Всемирной Литературы»: познакомить широкие круги читателей с лучшими, «классическими» произведениями литератур разных народов Востока в образцовых переводах специалистов, переводах, удовлетворяющих филологическим требованиям, с одной стороны, и художественным — с другой. Таким образом, независимо друг от друга в двух наиболее сильных в настоящее время очагах востоковедения: — в Париже и Петербурге, — начинается это трудное и, быть может, неблагодарное дело ознакомления читателя, не обладающего специальной подготовкой, не вовлеченного в круг определенных ассоциаций, с произведениями народов, так далеко отстоящих от Европы.

Нет ничего удивительного в том, что серия «Классики Востока» по плану издания напоминают восточный отдел «Всемирной Литературы». «Классики Востока» также выходят отдельными книжками, посвященными или одному произведению, или группе литературных памятников, почему-либо тесно объединенных; также снабжены они вводными статьями, примечаниями и указателями. К работе для «Классиков Востока» привлечены лучшие ориенталисты Франции; общим же редактором является *Виктор Голубев*, русский по происхождению, известный знаток восточного искусства, давно уже занимающийся в Париже.

Книжки «Классиков Востока» снабжены, кроме того, иллюстрациями: это отличает их от изданий «Всемирной Литературы». Оставляя совершенно в стороне вопрос о художественности этих иллюстраций, нельзя не признать, что они, до известной степени, не адекватны тексту, а следовательно и не отвечают целям серии. Дело в том, что иллюстрации «Классиков Востока» являются не воспроизведениями творений восточных художников, а произведений европейских, нарисованных специально для настоящей серии художниками: *Андре Карпелес*, *Виктором Голубевым*, *Г. Турман*, *Жан Бюо*.

Появилось уже несколько книжек этой серии, во всяком случае, первые пять достигли Петербурга; все они изданы очень изящно; цена за томик колеблется между 18 и 28-ю франками.

Начинаются «Классики Востока» следующей книгой:

La légende de Nala et Damayanti — traduite, avec introduction, notes et vocabulaire par *Sylvain Lévi*; bois dessinés et gravés par *Andrée Karpeles*, 1920 (151 стр.).

Книжка эта не дает ничего нового, и это немного разочаровывает. Действительно, история *Наля* и *Дамаянти* хорошо известна по многим переводам на разных европейских языках и, может быть, является наиболее популярным в Европе образом индийской литературы. Главный интерес рассматриваемой книжки заключается в том, что перевод санскритского текста сделан таким выдающимся, блестящим и многосторонним ученым — инданистом, каким является профессор Французской Коллегии — *Сильвэн Леви*. Но и в данном случае приходится несколько разочароваться: из «Введения» мы узнаем, что перед нами старый перевод молодого, начинающего *С. Леви*, написанный 30 лет тому назад и появляющийся без всяких изменений. Новыми оказываются лишь «Введение» и объяснения санскритских слов и собственных имен, встречающихся в тексте *Наля* и *Дамаянти*, расположенных в алфавитном порядке.

Все это, однако, не лишает рассматриваемую книжку определенного интереса, «Введение» *С. Леви* хорошо обрисовывает нам особенности индийской поэзии, дает достаточные сведения, не обременяя и не утомляя большими подробностями, о происхождении и литературной истории *Налл* и *Дамаянти* и очень искусно настраивает читателя. А последнее, повидимому, далеко не оказывается излишним. Без особого настроения, каким обладает воодушевленный специалист-востоковед благодаря своим знаниям и любви к предмету, чарующее сказание о любви двух индийских супругов может показаться иногда скучноватым и вялым.

Имя *С. Леви*, конечно, говорит за то, что перевод, сделанный им хотя и в молодые годы, превосходит во всех отношениях.

Вторая книжка «Классиков Востока»:

La marche à la Lumière—Bodhicaryāvatara, poème sanscrit de Cāntideva traduit avec introduction par Louis Finot, professeur au Collège de France, bois dessinés et gravés par H. Tirman, 1920 (167 p.).

Настоящая книжка тоже не является совершенной новинкой. Знаменитая поэма вдохновенного буддиста *Шантидева* была раньше уже переведена на французский же язык бельгийским ученым, *де-ла-Валле-Пуссэн* и, — сокращенно, — на английский *Д. Д. Барнеттом*.

Перевод *де-ла-Валле-Пуссэн* рассчитан исключительно на ученого и подготовленного читателя, да и печатался в специальном журнале, мало доступном для широкого круга читателей. Поэтому нельзя не приветствовать появление нового перевода такого тонкого знатока Востока, каким является проф. *Фино*, стремящегося сделать поэму *Шантидева*, несмотря на все ее особенности, доступной для всякого образованного человека. К тому же перевод *Фино* точнее и совершеннее перевода бельгийского ученого.

В своем «Введении» проф. *Фино* очень удачно определяет характер произведения буддийского поэта, сообщает то немногое и, к сожалению, легендарное, что известно об авторе, — *Шантидева* и выясняет нам его значение.

«Бодичарьяватара» — «Введение на путь Просветления» — произведение совершенно необычное: с одной стороны, это ученый трактат индийского мыслителя VII века, утонченного знатока тогдашней схоластики, с другой — творение поэта, вдохновенно мечтающего о совершенной личности, о «бодисатве», пламенно отдающего себя на служение человечеству. И обе эти стороны гармонично слиты и выявлены в звучных санскритских стихах.

Заключительные примечания проф. *Фино*, а также выставляемые им заголовки отдельных абзацев поэмы-трактата, чрезвычайно облегчают пользование книгой.

Прибавим от себя, что поэма *Шантидева* была переведена на тибетский и монгольский языки и пользуется в центральной Азии необычайным почетом. Хорошо она известна и более близким нам бурятам и калмыкам. Всякий более или менее образованный буддийский монах прекрасно знает это произведение, знает литературу о нем и, кроме того, часто может произнести всю поэму наизусть: книга *Шантидева* — отличный ключ к познанию буддизма.

Третья книга «Классиков Востока» переносит нас в Тибет:

Représentations théâtrales dans les monastères du Tibet—Trois mystères tibétains—Tchhrimekundan-Djroazanmo-Nansal—traduits avec introduction, notes et index par Jacques Bacot, bois gravés d'après les dessins de V. Goloubew, 1921 (299 стр.).

Тибет все еще остается одной из самых мало изведанных стран в мире. Разумеется, очень плохо известна в Европе и тибетская литература, хотя бы потому, что чрезвычайно мало знатоков тибетского языка. Молодой французский ученый *Жак Бако* является одним из этих немногих, соединяя, кроме того, в себе еще и индийца, кем должен быть, действительно, всякий, отдающийся изучению Тибета, так как эта страна насыщена индийской культурой. *Жак Бако* имеет, кроме того, еще одно преимущество: он знает Тибет лично, был там, видел этот оригинальный народ и написал увлекательную книжку о своем путешествии.

Поэтому попытка французского ученого показать европейскому обществу образцы тибетской литературы: «Три тибетские мистерии-драмы» будет приветствоваться всеми интересующимися Востоком или имеющим к нему какое-либо отношение.

В своем кратком «Предисловии» *Жак Бако* очень просто и интересно рассказывает нам то немногое, что известно о тибетском театре, о тибетских мистериях-драмах и, что особенно ценно, делится, вкратце, своими личными впечатлениями от виденных им тибетских театральных представлений.

Мы узнаем, что репертуар тибетского театра носит характер религиозного и легендарного. Представления совершаются при буддийских монастырях; при чем наивная простота сценической постановки не мешает часто большой художественности исполнения. Узнаем мы также, что тибетская драма-мистерия заключается не в одних только диалогах. Она состоит из «рассказа», передаваемого особым лицом, диалогов, пения, танцев, мимических сцен, играет роль и хор.

Далее *Жан Бак* переходит к самому тексту тибетских драм, переходит, значит, к тибетской драматической литературе. Тут его сведения, как и вообще ученого мира Европы, оказываются совершенно недостаточными. *Жак Бак*, в конце-концов, может констатировать только наличие нескольких текстов, рукописных и печатных, составленных так, что легко могут быть использованы в качестве либретто для театрального представления. Тибетанист, находящийся в лучших условиях в отношении тибетского материала, напр., в Петербурге, может указать большее количество подобных произведений. Таким образом, —узнаем мы,—настоящей драматической литературы в Тибете нет, во всяком случае, она не известна европейцам. Существуют только определенные произведения, написанные смешанно, стихами и прозой, которые легко используются для нужд театрального представления. Плохо знаем мы и время написания этих квази-драматических произведений, и *Жак Бак* поступает очень осторожно, не давая более точных определений.

К сведениям, сообщаемым *Жаком Бак*ом, я позволю себе прибавить, что у нас имеются данные, подтверждающие существование в Тибете настоящей, по форме, драматической литературы. Так, в Азиатском Музее Российской Академии Наук хранится монгольская рукопись, содержащая текст, несомненно переведенный с тибетского, одной мистерии, совершенно не знающей повествовательного элемента и являющейся настоящей драмой; на тибетском же языке имеются переведенные с санскритского буддийские драмы.

Далее в книге *Жака Бако* дается перевод трех произведений вышеописанного характера, при чем каждому предпосылается особое «Введение», описывающее и объясняющее с литературной точки зрения следующий затем текст. В этих «Введениях» *Жак Бак* почему-то, вероятно, ради удобства фольклористов, пересказывает содержание текста произведения, перевод которых он затем дает ниже. Пожалуй, подобный прием приветствовать невозможно, хотя нельзя отрицать, в известных случаях, некоторого его значения.

Первое произведение, даваемое в переводе *Жаком Бак*ом: «*Джримекундан*» — «Незапятнанный» — представляет собою особую версию сказания об одном из прошлых перерождений Будды, когда он жил в образе несчастного дровяча, дошедшего до последнего предела самоотречения. Трогательная история этого дровяча в разных версиях известна на всех буддийских языках Азии, живых и мертвых, и до сих пор чарует многих и многих. Для европейца же, как бы он ни старался вызвать в себе аналогичные переживания, сказание это представляет много такого, что является для него неприемлемым и даже непонятным, напр., эпизод, когда дровяч, не желая отказать нищему, отдает ему своих детей. Хорошо, что этот нищий не настоящий, а гений, явившийся искушить милосердного буддисту.

Можно прибавить, что «*Джримекундан*» был переведен на монгольский и калмыцкий языки.

Перевод второго произведения: «*Джроазанмо*» — «Добрая для живых существ» вводит нас в область волшебной сказки, довольно далекой от религиозной мистерии. *Жак Бак* указывает совершенно верно, что сюжет «*Джроазанмо*» заимствован из индийской сказочной литературы.

Позволю себе думать, что можно совершенно точно определить происхождение сюжета рассматриваемого произведения. Несмотря на несколько наносных мотивов, тоже заимствованных из хорошо известных индийских сказок, основной сюжет «*Джроазанмо*» восходит к распространенному индийскому сказанию о злой мачехе и преследуемых ею братьях или брате и сестре. Сюжет этот, с небольшими изменениями, встречается почти во всех сборниках индийских сказок, собранных в самых разнообразных местах: в Пенджабе и на Цейлоне, в Бенгалии и в Декане. Известна эта сказка и в санскритской литературе, напр. в «*Ката-сарит-сagara*»: второй рассказ XIII главы: «История царя *Паритьягасена*, его злой жены и его двух сыновей». Этот же сюжет мы находим в нескольких редакциях и в тибетской версии буддийского канона, в Ганджуре: «Сказание о царевиче *Артасидди*». Известны и монгольские и калмыцкие близкие версии.

Жак Бак совершенно прав, когда говорит, что «*Джроазанмо*» является пересказом очень и очень древнего сказания.

Третье и последнее произведение, которое дает нам рассматриваемая книжка: «*Нансал*» — «Блестящая», — вызывает особый интерес, потому что развертывает перед

нами картину действительной тибетской жизни. Определяя это сказание, *Жак Бако* говорит: «Это картины тибетских нравов и философская драма. Тут нет ничего чудесного. Но это также изображение характеров, где все нормально и соразмерно».

Нансал — девушка из знатной семьи, склонна к мистицизму и жаждет духовной жизни. Ей приходится выйти замуж, но она покидает своего мужа, встретив плохое к себе отношение со стороны его родственников. Но и вернувшись к себе домой, она не находит себе покоя, несмотря на роскошь и удобства, которые ее окружают. Ее влечет к иной жизни. И вот она бежит в монастырь, а затем удаляется в пустыню. Ее мать находит свою дочь, погруженную в созерцание. *Нансал* тронута горем матери, но мать не хочет понять стремлений *Нансал*. — Вот, вкратце содержание этой драмы-сказания. Замечательно, что лама — буддийский монах, наставляя *Нансал*, говорит ей, что ее обязанность не мистический порыв, а скромный и часто трудный путь жены-хозяйки.

В кратком «Послесловии» *Жак Бако* замечает: «Перед этими тибетцами, собравшимися издали, актеры представляют не жизнь, а идеал жизни. Их тема — непостоянство вещей. Их театр — кочевой стап, который сам исчезает, как только представление окончено».

Четвертый томик «Классиков Востока» посвящен Китаю:

Contes et légendes du bouddhisme chinois — traduits du chinois par *Edouard Chavannes*, membre de l'Institut, professeur au Collège de France, préface et vocabulaire de *Sylvain Lévi*, professeur au Collège de France, bois dessinés et gravés par *Andrée Karpelès*, 1921 (220 стр.).

Настоящая книжка, опять-таки, не содержит ничего нового: это выборки из двух работ недавно скончавшегося знаменитого французского синолога *Эдуарда Шаванна*, главным образом, из его трехтомного труда «Пятьсот сказок и правоучительных басен, выбранных из китайского буддийского канона и переведенных на французский». Новым является лишь краткое «Предисловие» *С. Леви* и его примечания.

Как ни интересны индийские сказки, попавшие в китайский буддийский канон, все-таки трудно причислить их к «Классикам» китайской литературы. Китай, таким образом, остается пока не представленным в рассматриваемой серии.

О настоящей же книжке много сказать не придется. «Предисловие» *С. Леви* удачно показывает нам значение индийских сказок, пришедших в Китай, примечания позволяют слегка ориентироваться в сказочном мире. Перевод *Шаванна*, конечно, — замечательное произведение. Но зато самые сказки вряд ли увлекут читателя. Это бледные тени своих красочных и живых индийских образов. В большом труде *Шаванна* можно было бы найти более интересные рассказы, но они, вероятно, не подошли для настоящего издания по своему размеру.

Но, разумеется, и настоящая книжка — полезное и хорошее дело; она позволяет тем, кому недоступен большой труд *Шаванна*, познакомиться с новой и любопытной областью мировой литературы.

Пятая книжка «Классиков Востока»:

Cinq Nô — drames lyriques japonais — traduits avec préface, notices et notes par *Noël Peri*, membre de l'École française d'Extrême-Orient, bois dessinés et gravés par *Jean Buhot*, 1921 (259 стр.).

Кроме перевода пяти «но» — японских лирических драм, сделанных вполне компетентным французским ориенталистом *Нозем Пери*, рассматриваемая книжка содержит обширное (77 стр.) «Введение», которое довольно сильно отличается от типа «введений» и «предисловий» других выпусков «Классиков Востока», а также, — прибавим, — от вводных статей изданий восточного отдела «Всемирной Литературы».

Н. Пери в своем «Введении» дает целое исследование о японских «но», исследование, очень близко приближающееся к чисто научному, специальному. В особенности подробно останавливается он на сценической стороне «но», исследует термины, обращается к литературной стороне японской лирической драмы, отмечает особенности композиции, стиля и языка. Сведения эти — все очень интересно и изложены хорошо, хотя нельзя не признать, что незнакомому с японским языком довольно утомительно пробегать десятки страниц, испещренных японскими терминами.

Переводу каждой из пяти «но» предпосланы еще особые замечания, разъясняющие последующий текст лирической драмы.

Что касается самих драм, то, очевидно, надо родиться японцем или долго прожить в атмосфере их культуры для того, чтобы воспринять со всей полнотой эти произведения. В них много своеобразной прелести, они обнаруживают тонкие переживания

художника, но вместе с тем, может быть, благодаря особым условиям, в которых они жили и развивались, японские «но», наверно, покажутся в чтении скучными для европейского читателя, и это чувство уныния не могут развлечь отдельные интересные моменты, отдельные сценки.

Научное же значение для сравнительного изучения истории театра и драматической литературы японских «но» велико и это очень хорошо отмечено в статье *П. Пери*.

Как французские «Классики Востока», так и восточный отдел «Всемирной Литературы», успели выпустить по пяти книжек, и теперь уже можно судить, до какой степени этим изданиям удалось или удастся выполнить свою задачу. Сумели ли они показать Восток, приблизить его, не искажая, к пониманию европейцев? Прав ли *Киплинг* с его утверждением: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут», или наш исследователь буддизма: «Многие говорили, что Запад и Восток никогда не поймут друг друга. Но ведь грани уже исчезают: где Запад, где Восток?».

Б. Владимирцов.

Историческая поэтика и стансы Сыкун-Ту.

В. М. Алексеев. «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту» (837—908). Петроград, 1916.

Историческая поэтика, оперирующая на данных сравнительной литературы, уже давно пользуется у нас любовью ученых. Еще со 2-ой половины XIX в. столь крупные работники, как А. Н. Пыпин и автор «Соломона и Китовраса» А. И. Веселовский, вступили в эту область науки и обогатили ее серьезными трудами, частью идя по стопам Бенфея, а частью и независимо от него. За этими двумя учеными много и других авторов, как университетских преподавателей, так и вольных, продолжали обрабатывать ниву, вспаханную ими. Достаточно припомнить И. Н. Жданова, И. П. Сазановича, Ф. Д. Батюшкова, Е. К. Анчкова и длинный ряд других. Но при всей его начитанности, А. Н. Веселовскому были мало знакомы литературы Востока. Он знал «санскрит», знал «Махабхарату» и «Рамаяну», но словесное творчество мусульманского Востока, литература арабов и персов, а также изящная словесность Китая — остались ему сравнительно далеки. Однако, бесспорно, что арабы и персы дадут и уже дали свои вклады в общую сокровищницу исторической поэтики. У нас уже есть отличная работа, написанная И. Ю. Крачковским, существенно обогащающая нашу дисциплину. Впрочем, с литературами арабской и персидской, ученые, которые продолжают и сейчас работу творца «Исторической поэтики», хотя отчасти, но знакомы, то в подлиннике, то в переводах, русских или иноязычных. Другую картину видим мы в той области поэтики, которая касается Китая.

Не впадая в крайность, можно сказать, что представители нашей науки, которые, может быть, мечтают продолжать работу,

начатую А. Н. Веселовским, почти вовсе не знают китайской изящной словесности — все равно, прозаической или стихотворной — ибо с подлинником справиться не могут, а число переводов с китайского на общедоступные языки крайне ограничено и, по видимому, в общем, неудовлетворительно. Потому с большой радостью можно читать труд *В. М. Алексеева*. Китаистам судить о результатах работы *В. М. Алексеева* в области их науки; мы же попробуем разбраться в ней лишь постольку, поскольку она интересна и для исторической поэтики. Перед нами обширный, отлично отпечатанный труд, в котором 3 части:

Первая заключает историко-литературный опыт, в котором автор знакомит читателя с жизнью и трудами Сыкун Ту и подробно разбирает его поэму или стансы.

Вторая включает перевод поэмы, обстоятельно комментированный, выдержки из подражателей Сыкун-Ту и, наконец, детальный указатель имен и предметов.

Третья часть, доступная только китаисту, дает подлинник текста поэмы, равно как и тексты отрывков, переведенных или продитированных автором раньше.

Не касаясь вовсе третьей части работы, обратимся к *первой* и *второй*. В них чрезвычайно много любопытных данных не только для китаиста или, вообще, филолога, но и для того, кто привык размышлять над судьбами людей, над литературой. Когда читаешь книгу нашего филолога, написанную простым и легким языком, когда, может быть, впервые проникаешь в таинственный Китай, неоднократно переживаешь то самое чувство, которое хорошо знакомо каждому, кто начинает сближаться с Востоком. И там люди, подобные нам, с такими же мечтами, страстями и думами. И там открывается далекое царство духа, и герои его мудры не меньше, если не больше, нас, которые столь кичимся своей культурой: больше,

пожалуй, потому что начали жить раньше нас и иногда глубже нашего. И современный любитель стихотворства, начитанный в поэтах, поклонник их искусства, порою удивляется богатству, тонкости и изяществу духовной жизни Сыкун Ту. Из его стансов смотрит на нас достопочитенная древность, и не ребяческая, не элементарная, не полудикая, а полная мощи и красоты. Кто же был Сыкун Ту, автор стансов или поэмы, предмет которой творчество поэта? В. М. Алексеев рисует нам симпатичный образ автора, который жил в IX—X вв. по Р. Хр., в эпоху мятежей и распада Китая, во времена гибели одного из царствовавших китайских домов. Обладатель тонкой души, знаток литературы, Сыкун Ту привлекает нас личным благородством. Перед ним была открыта блестящая карьера, он мог бы достигнуть высоких должностей, но всему предпочел независимость и свободу. Он рано удалился в свою усадьбу и жил в ней, отдавая свое время литературному творчеству, друзьям, уединенным прогулкам и думам о смерти. Он любил водить гостей на свою могилу, приготовленную еще при жизни. Там они оставались подолгу, сочиняли стихи, пили вино, рассказывали взд и вперед. Сыкун Ту, подобно многим другим тонким и деликатным натурам, не принимал людской жизни, со всею жестокостью, шумом, славой и кровью, которые свойственны ей. Его влекли глубины духа, он стремился жить внутренней жизнью, стремился культивировать истинную свободу. Конечно, и у него же обходилось без странностей, у него шла рука об руку мистика буддизма, сухая, практическая этика Кун Цю, и любовь к благочестивым обрядам, но преобладающим элементом духовной жизни Сыкун Ту был знаменитый у китайцев *даосизм*.

Мы уже знаем, что, и уйдя от шума жизни, освободив себя от активной роли среди современников, Сыкун Ту не отказался от литературы, любовь к которой принадлежала к основным элементам его существа. Даже сидя с гостями у своей могилы, Сыкун Ту декламировал стихи. В. М. Алексеев отводит не мало интересных страниц на характеристику Сыкун Ту, как поэта. И опять, на этих страницах многому научается читатель европейец. Сыкун Ту обладал истинным поэтическим талантом; в стихах своих затрагивал чувства, отклик которыми находим у себя и мы, ибо выражал он их языком, понятным для каждого. В своих стихах он то рисует чувство изгнанника, то восторгается новою жизнью, освобожденною в *Дао*, то живописует красу природы, то прославляет вино или музыку.

Образы лирики Сыкун Ту, приводимые В. М. Алексеевым, читаются с большим интересом, почти всегда прелестны; но и для китайцев и для европейских читателей слава Сыкун Ту основывается не на них. У китай-

ских историков литературы и критиков Сыкун Ту популярен — по преимуществу — как автор поэмы и стансов, изображающих творчество поэта, стансов, к которым мы сейчас и обратимся.

Относимая китайскими историками литературы в группу «критики поэтов и прозаиков» поэма Сыкун Ту распадается на 24 станса, из которых каждый обладает своим заголовком и состоит из стихов по четыре слова в каждом. Стихи сочетаются попарно в строфы; строфы иногда сплетаются одна с другою. Стихи рифмованные. Желая дать европейскому читателю наиболее адекватную картину поэмы, В. М. Алексеев, предварительно перевода каждого станса, высказывает его основную мысль. Потом дается перевод дословный, за которым идет перевод точный, приспособленный для европейского вкуса, и, наконец, станс комментируется уже только для китайцев.

Рассматриваемая, в общем, китайская поэма не может быть названа поэтикой, если давать этому слову смысл, который обыкновенно ему приписывается. Китайскую поэму нельзя сравнивать с Аристотелем, Видюю, Буало или каким-либо из ученых литераторов, писавших о сущности творчества изящным словом. Сыкун Ту не историк литературы, не эстетик вообще, он ничего не говорит о поэтических жанрах, он не касается всего того, что принято называть стилистикой. Новичок не научится у него искусству писать стихи, не узнает, что такое проза и т. п. — словом, Сыкун Ту очень далек от всего того, что находилось в поэтиках древности или ренессанса.

Мимоходом, не углубляясь, Сыкун Ту говорит и об этих предметах; однако, главная тема его стансов иная. Перед нами вовсе не поэтика, а картина того, что такое высокое словесное творчество, руководимое и вдохновляемое принципом *Дао*. Перед нами не просто поэт, а *Дао*-поэт. В своих стансах, ведущих читателя к высокому, особо-тонкому стихотворству, Сыкун Ту частью оригинален, частью воспроизводит мысли и взгляды предыдущих поэтов того же толка. Трудно в немногих словах изложить эту своеобразную поэтику. Рекомендуем читателю, желающему знать подробности, самому открыть книгу В. М. Алексеева. Мы же, с своей стороны, принуждены ограничиться двумя-тремя штрихами. Итак, тема стансов Сыкун Ту, — сказать лучше, большей части из них — *Дао*-поэт. Как же изображает наш писатель и поэта, и его работу, поскольку они вдохновляются *Дао*? Приведем пять-шесть выдержек из поэмы. Поэт - *Дао* переносит себя в абсолютный центр. Душа такого поэта опрошена до элементарности. Она проникнута неуловимостью великого механизма. Поэту - *Дао* доступна высоко-настроенная древность.

Поэт-*Дао* стоит над людьми. Его душа одинока. В ней живет древнее, исключительное, особенное, изначальное. Поэт-*Дао*—прост и сосредоточен. Его душа проходит через внутреннюю плавку. Через нее поэма проникает в лучшие небеса с их блеском—предмет дум и грез поэта. Она сливается с красою природы, в ней живет, через нее обновляется. Его душа обладает необычайной мощью. Творчество, руководимое *Дао*, непостижимо. Оно свободно и вольно. *Дао* не выражается первым попавшимся словом, а часто и вовсе недоступно нашему языку. Но вообще истинно поэтическое творчество—просто и безыскусственно. Оно таинственно, прекрасно, оно па зов людей не отталкивается. Искусственно стать поэтом-*Дао* невозможно и т. д.

Эти взгляды Сыкун Ту для нас не новость; мы знакомы с ними, но по европейским поэтам. Мысли этого рода мы найдем и у трубадуров, и у Данте, и у многих романтиков; найдем у Тютчева, Пушкина и др. Этим именно, а вовсе не несущественным и отдаленным сходством с Аристотелем или Буало, как думает В. М. Алексеев, заслужил Сыкун Ту право на почетный ранг среди теоретиков литературы. Быть может, мы ошибаемся, но подобной поэмы в защиту творчества высоким словом мы и в самых крупных европейских литературах не найдем. Факт особо поразительный, потому что станы Сыкуна Ту написаны в IX или X в.в., когда Запад Европы подчинился довольно мрачному варварству, а Восток едва-едва выходил на всемирное историческое поприще. Поэма Сыкуна Ту открывает совершенно новую область европейскому ученому, и, конечно, должна утвердиться на страницах общих обзоров поэтики и эстетики. Переводы станы Сыкуна Ту, В. М. Алексеев оказал существенную услугу друзьям исторической поэтики и обогатил русскую литературу щедрым даром. Но работа В. М. Алексеева интересна еще вот почему. Любопытная своей основной темой, она привлекает читателя-филолога и многими подробностями. Не только обогащается та глава исторической поэтики, которая посвящена поэту и поэтическому творчеству, но работа В. М. Алексеева дает нам много новых фактов и в области поэтического стиля, в частности, в области эпитета. Много пользы извлечет из книги В. М. Алексеева и тот ученый, который займется «чувством природы», судьбы и пессимизма, кто захочет проникнуть в сокровенные, уголки творчества поэтов, прославлявших вино, дружбу и музыку. Мотивы Анакреона, Тибулла или Катюлла, мотивы *Dogat* и других звучат у Сыкуна Ту и у иных китайских поэтов той отдаленной поры. Для всего этого В. М. Алексеев собрал множество данных, и мелких, и крупных. Если мы хотим, чтобы историческая поэтика,

печатаемая у нас А. Н. Веселовским, у нас же была доведена до конца, мы должны желать, чтобы число книг, подобных труду В. М. Алексеева, умножалось.

Д. П.

Низами. «Семь красавиц». Рассказ индийской царевны. Перевод А. Е. Грузинского. Издание М. и С. Сабашниковых, Москва — 1922.

Кладезь персидской поэзии поистине неисчерпаем, и количество сокрытых в нем драгоценных жемчужин неисчислимо. До настоящего времени филологией разработана сравнительно лишь ничтожнейшая часть этого библия, переведено на европейские языки и того меньше. Поэтому, для рядового читателя, быть может, даже хорошо знакомого с западно-европейской литературой, персидская литература до сих пор остается совершенно неизвестной, многие весьма образованные люди даже не подозревают, вообще, о ее существовании. Все эти обстоятельства делают чрезвычайно желательным для каждого ираниста-филолога умножение числа переводов памятников персидской литературы на европейские языки. По отношению к разбираемой здесь книге нам, прежде всего, кажется, что термин перевод к ней даже не особенно хорошо приложим, ибо трудно назвать переводом работу, которая из каждой строчки оригинала удерживает едва ли два-три слова, дополняя остальное своим воображением и притом почти всегда довольно неудачно. Низами один из величайших поэтов старой Персии, тончайший, изыскнейший художник в изысканных образах, полунамехах открывающий самые сокровенные побуждения человеческой души. Задача передать его звонкие строки, где каждое слов ценно, каждое выражение обдумано, русскими стихами—задача очень трудная, она требует соединения в исполнителе ее двух качеств: умения владеть русским стихом и превосходного знания персидской поэзии. В авторе настоящего перевода мы, к сожалению, не усматриваем ни того, ни другого. Русский стих его тяжел, рифмы бедны и банальны; что же касается передачи оригинала, то она крайне неудовлетворительна в смысле точности. Приведем несколько примеров: сразу в первой же строчке переводчик говорит: «Поклонник красоты Бехрам Гур был»,—в оригинале слово «нишат»,—обозначающее не красоту, а радость жизни, веселое времяпровождение, сложное существительное «нишат перест» — значит любитель веселой жизни, бонвиван. Далее, во втором полустишии: «его портрет красавицы пленил»,—в оригинале не красавицы, а семи красавиц, что совершенно меняет дело. Строчка: «Шах просил у этой кашмирской весны аромата, подобного ночному ветерку» пере-

дана словами: «Бехрам просил прелестное создание, чтобы ее нежнейшее дыхание и т. д.». Отывающее плохим романсом выражение «прелестное создание» едва ли можно признать подходящим эквивалентом для замены слов «кашмирская весна». Далее на стр. 8 находим такие строчки:

«Я помню с детства я в семье своей
Видала гостью; было что-то в ней
Загадкой мне: дышал приветом
взор,
Но — черный с головы до ног убор».

В оригинале читаем следующее:

«Слышала я в детстве от родственников, людей малого дела, но скорой мысли, что из знатных матрон Райского замка была одна отшельница высокого происхождения. Она приходила каждый месяц в наш дом, и все ее одежды были из черного шелка». Таким образом на четыре строчки полторы приходится на долю фантазии переводчика, оставленные две с половиной представляют собой весьма неполную передачу оригинала. Нужно ли говорить, что фраза «дышал приветом взор» с точки зрения персидского поэта является полнейшей бессмыслицей, противоречащей всем персидским вкусам и воззрениям. Если бы мы захотели привести все подобные неточности, пришлось бы переписать всю книгу от первой до последней строчки. Поэтому, ограничимся еще немногими примерами: в переводе Шах подводит рабыню к окну, ласково взяв ее за руку; в оригинале она сидит у шахского ложа, прижав к груди ноги властелина, что гораздо понятнее, если исходить из персидских обычаев. На стр. 17:

«Тут свежей амброй вчер, вместо зноя,
Дохнул, и город весь затих в покое».

Оригинал: «Когда ночь рассыпала амбру на камфору, люди удалились с людских путей».

Автор пользуется амброй для передачи ночной темноты: амбра — ночь, камфора — день, у переводчика этот оттенок пропал совершенно. На стр. 23:

«Струился красный блеск по тем горам»; в оригинале эти горы названы изумрудными, что, как известно всякому, обозначает зеленый, а не красный цвет. Имя Савской дарицы по персидски Билкис, а не Балкис, как на 27 стр. Царевна на стр. 30 называет себя Назнин Турктаз. Назнин отнюдь не собственное имя; в оригинале это слово стоит в сочетании, обозначающем: Я турчанка, обладающая нежным телом» и т. д. и т. д.

В общем вывод очень печальный. Книга является не переводом, а очень и очень вольным пересказом отрывков из поэмы Низами, сделанным весьма плохими стихами. Как перевод, она критики не выдерживает, ибо не передает и сотой доли красот оригина-

нала; как самостоятельное поэтическое произведение стоит на чрезвычайно низком уровне по качеству стихов. Лицо, не знакомое с творчеством Низами, в результате чтения этой книги получит самое превратное представление и будет полагать, что поэма великого поэта кишит банальными образами, которые на самом деле все приходится относить на счет переводчика. Знакомая с персидской литературой по таким переводам, читатель может только охладеть к ней, а уж никак не заинтересоваться, и с этой точки зрения появление подобной книги приходится признать безусловно вредным.

Е. Ф.

Рабиндранат Тагор. Жертвоприношение. Отшельник. Перевод С. А. Адрианова под редакцией и с вступительной статьей В. Г. Тана-Богораза: Новая Индия. и Рабиндранат Тагор. Центральное кооперативное издательство «Мысль». Петроград—1922.

Статья В. Г. Тана-Богораза стремится, по-видимому, дать читателю самое общее, весьма популярное представление о Тагоре на фоне современной Индии, взяв тему преимущественно с внешне-описательной стороны. Мы говорим: «с внешней стороны», ибо автор статьи почти совершенно не останавливается на содержании (или форме) творчества Тагора, или на содержании современной индийской культуры, и говорит преимущественно о роли Тагора в Индии (сравнивая его с Толстым), об его отношении к современной индийской политике (тоже не касаясь идеологической стороны), описывает его школу и т. п., а затем дает также описание современного социального движения в Индии, останавливаясь главным образом на борьбе против кастового строя. Из произведений Тагора автор характеризует лишь вкратце его роман «Родина и Мир», а также рассказ «Камни над рекой» и пьесу «Отшельник». Но несмотря на такое сознательное ограничение темы, она все же еще достаточно широка, и В. Г. Тан бесспорно выполнил поставленное им себе задание с присущим ему талантом и опытною писателя и журналиста. Своей целью — заинтересовать читателя картиной своеобразного, чуждого нам быта, жизни и борьбы далекого, по современному нам народа и возвышающейся над ней фигуры загадочного поэта — мудреца — автор вполне достиг. Статья эта была прочитана В. Г. Таном несколько месяцев тому назад в виде публичной лекции, и пишущий эти строки может засвидетельствовать, что лекция была принята аудиторией с большим интересом. Интерес статьи усиливается и просвечивающим в ней чувством значительности нынешнего всемирного кризиса, — одним из проявлений кото-

рого является и охватившее Индию движение, — и мрачным пророчеством о кровавом характере грядущей индийской революции, в связи с своеобразным истолкованием миролюбия Толстого и Тагора (стр. 9 — 10 и 36).

Но мы не можем не указать здесь и на ряд погрешностей и неточностей, встречающихся в статье, — неточностей, правда, отчасти объяснимых недостаточностью материалов о Тагоре, имеющихся в настоящее время в России. Но нам думается, что в виду плачевного положения дела популяризации востоковедения в России, исправление таких погрешностей является необходимым, особенно если иметь в виду тех читателей, которые поближе заинтересуются Тагором.

Сюда относятся прежде всего — если начать с менее существенного — неточности и непоследовательности в транскрипции бенгальских имен, таких, как напр. Гунга (вм. Ганг), пундит (вм. пандит), Жадав (вм. Джадаб) и др.

Далее, встречаются в статье неправильные переводы санскритско-бенгальских слов. Так, Сада на стр. 9 переводится «восприятие жизни» (под влиянием англ. перевода Realization of Life, где слово Realization имеет однако свое более первоначальное значение), а на стр. 40 — «Жизне-~~принятие~~». Второй перевод можно считать приблизительно правильным. Махатма (стр. 35) переводится «Великий Пророк», тогда как оно значит просто «великий», «благородный». Гитанджали вряд ли можно переводить словом «жертво-песни» (стр. 5), ибо это слово может быть понято русским читателем так: песни жертвы, или жертв, или песни, поющиеся при жертвоприношении, — тогда как правильнее уже был бы перевод «песне-жертвы», ибо слово это значит: песни, приносимые в дар, в виде жертвы. Может быть, лучше слова, как Сада, Гитанджали и т. п., оставлять совсем не переведенными, чем во что бы то ни стало переводить их, за счет их действительного смысла. Ведь и сам Тагор оставляет их непереведенными в английских изданиях своих сочинений.

Статьи, по поводу английских изданий сочинений Тагора. На стр. 40 разбираемой статьи говорится, что большую часть своих вещей Тагор сам переводит на английский. Правильнее было бы сказать: небольшую, ибо на английский язык до сих пор Тагором и его друзьями переведена лишь весьма незначительная часть его произведений. Далее, отметим, что сборник «Шантиникетан» на стр. 40 неправильно приписан Тагору — он составлен не им, а Пирсоном; так же ошибочно приписано ему (стр. 55 — 56) предисловие к его переводу Кабира. Тагору совершенно несвойственно сближать индийских

поэтов и мистиков с европейскими, как это делает Эндерхилль, автор упомянутого предисловия, — он же автор большого труда о мистике.

Про отца Р. Тагора, Дебендраната Тагора, на стр. 6 сказано, что он был одним из основателей «Союза Брамь» — хотя и здесь лучше было бы не переводить, а сохранить слово Брахма-самадж, — а на стр. 20, что он был близок этому союзу. Первое неверно, второе неточно. Одним из основателей Брахма-самаджа был дед нашего поэта, Дварканат Тагор. Отец же поэта, Дебендранат, был руководителем этого об-ва приби. с 1842 по 1865 г. В 1865 году об-во это раскололось, и раскол был вызван намерением видного его члена, по имени Кешаб Чандра Сен, ввести то синкретическое направление, которое искони было чуждо об-ву и которое в рецензируемой нами статье ошибочно приписывается этому об-ву вообще (стр. 20).

Про драму «Жертвоприношение» на стр. 47 говорится, что содержание ее «составляет как бы отголосок, проекцию борьбы старого браминизма с буддизмом. Пьеса историческая и вместе символическая». С таким толкованием исторического аспекта «Жертвоприношения» никоим образом нельзя согласиться. Вся ситуация, изображаемая в драме, свидетельствует явно о том, что ее символика построена на мотивах, заимствованных из борьбы в пределах индуизма, борьбы вайшнавизма с шактизмом, с культом Кали. В хронике Трипуры (Трипура — место действия драмы), т. наз. «Радж-мала», сохранились свидетельства о такой борьбе. Мало того, богиня Кали названа прямо по имени на стр. 95 русск. перев. Что касается вайшнавизма, то он непосредственно не фигурирует в драме, но, с точки зрения Тагора, он есть та истинная вера, к которой придет герой этой драмы, через трагический опыт дошедшие до отказа от веры в Кали, — на это намечает и имя царя (Говинда — эпитет Кришны), и провозглашение любви, как принципа новой жизни (срв. конец драмы); это ясно и из того, что сам Тагор вырос из вайшнавизма, и что в той борьбе между культом Кали и культом Кришны, которой заполнена история бенгальской культуры, Тагор, конечно, на стороне второго. Идеалы вайшнавизма незримо реют над всем ходом пьесы, и ее глубоко трагический характер связан именно с тем, что они остаются невысказанными, ненайденными. Впрочем, это особая тема, на которой мы здесь не можем останавливаться по существу.

В связи с громадным влиянием, оказанным на Тагора вайшнавизмом, отметим, что вряд ли правильно будет — как это сделано в статье В. Г. Тапа — выделить из ряда духовных предков Тагора именно Калидасу и Кабира: «Корни души его находятся

и в Ведах, и в древних индийских поэтах, начиная от драматурга Калидасы и кончая Кабиром...» (стр. 37). Не менее тесно, чем с Ведами, т. е., точнее говоря, с Упанишадами, связан Тагор и с эпосом (Наль, Савитри); в меньшей степени с Калидасой и «школьной» поэзией и драматургией; но зато гораздо сильнее (минус многое другое)—с громадной вайшнавитской литературой на ново-индийских языках, которая не исчерпывается и не заканчивается Кабиром (ум. 1518); ближе и роднее всех ему бенгальские лирики—вайшнавиты, начиная от Чандидаса и Видьяпати и кончая последователями Чайтанья, как Говинда Дас (1537—1612), Гьян Дас и мн. др., жившие значительно позднее Кабира.

Указание В. Г. Тана (стр. 41) на неполную адекватность выражения «стрелы купидова», или «стрелы любви», употребленного английскими и русскими переводчиками Тагора, в виду того, что это—западные образы, также неправильно. В индийской мифологии бог любви, по имени Кама или Ананга (есть еще много имен и эпитетов, служащих часто именами), снабжен луком и стрелами, и индийские поэты, хотя бы тот же Калидас, да и другие, не менее часто пользуются этим образом, чем европейские.

Помимо указанных фактических неточностей (а мы указали не все), можно отметить в разбираемой нами статье и неясности, пронизывающие из взаимной противоречивости некоторых ее утверждений. Так, напр., Тагор, с одной стороны—гармоничен, примирен, спокоен, и противопоставляется Толстому и его «не могу молчать» (стр. 8); с другой стороны, он многообразен, и один из его образов—образ «беспокойного и бродячего искателя истины» (37), и у него тоже как будто было свое «не могу молчать»: ибо, как говорит В. Г. Тан, «индийский писатель, дерзнувший на митинге в Японии . . . высказать эти слова по адресу окровавленной Европы перед лицом взволнованной и угнетенной Азии—действительно заслуживает имя индийского Толстого» (39). Далее, в одном месте говорится, что вера Тагора—безыскусственная (56), с другой стороны, мы видим (стр. 9), что он «совмещает индивидуальное настроение с своеобразной традицией» и что ему, как и Кабру, свойственно «бесстрашное отрицание всех установленных религиозных форм» (стр. 56).

Мы не можем не отметить, однако, что несмотря на эти дефекты, статья В. Г. Тана все же остается, благодаря своим положительным качествам, интересной и полезной для широких читательских кругов, интересующихся Тагором.

Что касается перевода двух пьес Тагора, следующего за статьей В. Г. Тана, то его нельзя не признать весьма удачным,

если не считать нескольких мелких пропусков отдельных реплик и произвольно вставленного слова «чужуиной» в гимне Кали на стр. 80. Сами пьесы, в особенности первая, представляют громадный интерес, и мы надеемся в ближайшее время вернуться к ним в отдельном очерке. Здесь отметим только тесный параллелизм и родство между «Жертвоприношением» и романом Тагора «Дом и Мир», вышедшим недавно в Петрограде в переводе С. А. Адрианова.

М. Тубянский

Б. Пашков. Ляо джай-джи-и (опыт критико-библиографического обозрения).—Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского Университета. Отдел I. Науки гуманитарные. Вып. II. Иркутск 1921.

Б. Пашков. Пу Сун-линь. «Си ху джу». Рассказ. Пособие при изучении китайского языка (разговорного и литературного). Ч. I. Китайский разговорный «бай-хуа» и литературный тексты. Издание Издательского Бюро Государственного Иркутского Университета. Иркутск 1920.

Знаменитому прозаическому Ляо Чжая, или по настоятельному Пу Сун-линю, в Европе не везет. Его пересказывают, не переводя текста, китайцы («général Tcheng Ki Tong»), его передают в виде чтения для спальных вагонов, с пуританскими пропусканиями, искажениями, извращениями смысла (Giles); его, наконец, у нас в России стараются сделать только материалом для упреждения в китайском языке начинающих китаистов (Васильев).

Преподаватель Иркутского Университета Б. Пашков, вполне признавая сам, что эти повести являются «образцовым произведением китайской изящной словесности», все же убежден, что их популярность среди китайской читающей публики объясняется их «религиозно-бытовым содержанием», как будто вся читающая «китайская публика» состоит из любителей этнографии; и, наконец, как видно из приведенного титула, он желает использовать текст одного из лучших рассказов Ляо Чжая, по традиции русских китаистов, для учебных целей.

Имея это в виду, автор, прежде всего, «издал» фотолитографическим способом да-вичный текст 1910 года, предпослав ему таким же способом снятый с газеты «Цюнь дян бао» за 1916 г. богишный пересказ размашистого шошуды (народного рассказчика), не имеющий ни малейшего педагогического значения, но, к сожалению, удостоившийся от «издателя» лестного термина: «превосходный перевод на современный разговорный китайский язык» («бай хуа»). В своем, писанном пока на машинке, предис-

словии Б. Пашков обещает «при первой же возможности» выпустить и русский перевод рассказа «Си ху джу», «с грамматическими и иными примечаниями». Это последнее его обещание, к сожалению, заставляет нас взяться за перо, чтобы указать ему и его читателям на целый ряд отклонений от общеобязательного научного понимания вещей и дать возможность подумать еще и еще, прежде чем готовить перевод и примечания к избранному рассказу.

Своей скромной цели «критико-библиографический очерк» того же автора, выпущенный им среди трудов коллег по Иркутскому Университету, собственно говоря, отчасти достиг, ибо в него попало, во всяком случае, многое из того, что когда-либо было написано о Ляо Чжае. Однако, дальше этой регистрации автор не идет, и «критического» в статье мало, что, впрочем, сделано автором вполне правильно, как будет видно из дальнейшего. «Библиография» же, единственно важная для научного интереса к предмету, т. е. китайская, у него почти полностью игнорирована.

При всем этом, рецензент очень благодарен коллеге Пашкову за сообщение, например, о русском переводе 12 рассказов Ляо Чжая (Баранова), который был ему известен. Кроме того, менее интересующийся Ляо Чжаем, статья Пашкова, вероятно, дала еще кое-что.

Чувствуя, очевидно, что для разрешения многих вопросов у него не хватит сил, наш автор оговорился, что пользовался советами своих учителей, профессоров б. Восточного Института, Шмидта и Гребенщикова. Эти советы, к сожалению, не спасли его от больших погрешностей.

Так, у него встречаются выражения, в роде «дао, или черная магия», обличающие, говоря мягко, большую незрелость. Точно так же нельзя думать, что «народная литература состоит из драматических и повествовательных произведений», ибо легко назвать хотя бы эти же рассказы Ляо Чжая и драму Си Сян Цзи, написанные ультралитературным языком, чтобы убедить автора в опрометчивости его суждения.

Далее, автор, размышляя над классификацией рассказов Ляо Чжая, думает, что они должны бы находиться в отделе даосских и буддийских книг императорского каталога XVIII века (Си ку джюнь шу дзун му), и, вообще, пытается классифицировать их по их принадлежности к «трем религиям Китая: конфуцианству, буддизму и даосизму». Куда бы он девал рассказы об оборотнях зверей или, например, о фокусах — неизвестно.

Взгляд на манджурские переводы повестей, как на имеющие «такое же значение в художественном отношении, что и в китайском оригинале» — взгляд, правда, оговорен-

ный им, как заимствованный от одного из учителей его по Восточному Институту, есть взгляд, указывающий также на опасности для его «критико-библиографического обозрения».

Затем, Конфуций («Изречения и беседы») переведен уже многие десятки раз, в том числе дважды на русский язык (Васильевым, Поповым), так что неудобно переводить известное сообщение о том, чего не любил касаться в своих беседах Конфуций (Лунь Юй VII, 20), через «странные вещи, фокусы, аномалии и духи», когда уже известно, что это значит: «чудеса, проявления физической силы, анархия, сверхъестественное».

На стр. 5 читается определение трудного для автора статьи слова Ляо, стоящего в заголовке рассказов Ляо Чжая, о псевдониме которого он, повидимому, не догадывается. «Без сомнения, — пишет он, — автор, назвав свой кабинет словом Ляо, имеющим значение: «поддержка, средства к существованию», хотел этим показать, что он, будучи беден, зарабатывает средства литературным трудом». Так и не решенная им задача Ляо, при подобных попытках к ее решению, явно обличает слишком неопытного человека, не умеющего обращаться ни со словарем, ни с грамматикой.

В конце статьи дан перечень рассказов в порядке их размещения в оригинальном сборнике. Здесь автор хотел дать кому-то полезный справочник. Но вышло следующее.

Переводя одно название рассказа за другим, он оставляет почему-то без перевода не только некоторые собственные имена, но и, такие, например, названия, как «Князь Девяти Гор» (Цзю шань ван), «Мужчина-наложница» (Нань цзе), «Ишуйский студент» (И шуй сю дай) и т. д.

Не говоря теперь о небрежном чтении знаков, могущих ввести читателя, не вооруженного текстом, в заблуждение (цзя, вм. се, джуан, вм. джун, хунь, вм. хун и т. п.) и о целом ряде больших неточностей, автор статьи дал целый ряд таких переводов, которые явно указывают, что он взялся не за свое дело и переоценил свои знания. Так, у него: вм. «Глодания камней» — «Кража камней»; вм. «Большой скорпион» — «Большая червоточина»; вм. «Воздаяние по делам» — «Верное сообщение»; вм. «Ковер рыжих (т. е. европейцев)» — «Войлок из красной шерсти»; вм. «Свихнувшийся даос» — «Дьянский монах»; вм. «Пирушка бесов» — «Приказание чорту»; вм. «Лисьи ответные строфы» — «Лисий поселок», и прочее в этом роде.

Если присоединить сюда бесконечные опечатки и прочие внешние промахи, то надо признать, что статья Б. Пашкова приняла печатный вид преждевременно.

А. Крымский. Белетристичні писання IV. Пальмове гілля. Екзотичні поезії. Частина третя (1917—1920). Київ 1922. 160 стр. 232.

Среди украинских поэтов А. Крымский занимает особое место. Высоко ценимый национальной критикой, как тонкий психолог страдающей от одиночества души, которая гибнет под гнетом развѣдающей ее рефлексии, но не может от нее отрешиться, он идет своей дорогой, не сливаясь с другими течениями современной украинской литературы. Еще большую оригинальность его творчеству придает любовь к востоку и близкое знакомство с ним. Долголетний профессор арабской словесности в Лазаревском институте в Москве, теперь неприменный секретарь Украинской Академии Наук, он имеет возможность подходить к поэзии трех мусульманских народов без всяких посредников, как это бывает обыкновенно с поэтами, берущимися за экзотические темы. Как русский ученый, он обогатил популярную литературу рядом курсов и студенческих пособий по истории и литературе трех мусульманских народов; как украинский поэт, почти 30 лет уже обогащает свою поэзию переводами и откликами восточных тем. И в западно-европейских литературах сравнительно редко можно встретить такое счастливое соединение крупного поэтического дарования с непосредственным знанием подлинника.

Переводы с восточных языков печатались А. Крымским в разных периодических изданиях, отдельными книжками (напр., *Шах-намэ*) и в предшествующих сборниках его стихотворений. К передаче формы оригинала в большинстве случаев он не стремится, иногда отходит и от точности, часто называя свои переводы «перепеями» восточных тем. Несмотря на это, в каждой строчке чувствуется глубокое проникновение в сущность переводимого образа, которое требует не только поэтического дара, но и близкого научного знания языка оригинала.

В настоящем — 4-м томе литературных произведений А. Крымского собрано большинство его переводов из области персидской поэзии, частью напечатанных раньше в отрывках, частью появляющихся впервые. Как бы введенные к сборнику служат цикл шести оригинальных стихотворений серии «В Трапезунте». Знакомым с поэтическим творчеством А. Крымского они напоминают его ливанский цикл, созданный за 20 лет до Трапезунта. Персидская поэзия представлена авторами с IX до XV века; попутно включено несколько переводов с арабского (Абу-ль-Аля; 1001 по и туредкого (Михри-хатун). Основное место в сборнике занимает *Шах-намэ* (стр. 26—118) и *Хафиз* (166—222); всего включено около

20 поэтов. В большинстве случаев произведениям предшествуют вступительные замечания, иногда носящие характер отдельных монографий (таково, например, введение в *Хафизу* — стр. 166—180). Эти замечания дают возможность ориентироваться в европейской литературе о поэте; иногда встречаются научно-критические соображения и даже поправки к тексту подлинника. (Из мелочей можно отметить, что знаменитая рукопись — автограф сочинений Джами, о гибели которой в 1918 г. по слухам передает А. Крымский — стр. 227 прим.— к счастью, уцелела и находится теперь в составе всей коллекции бывш. Учебного Отделения М. И. Д. в Азиатском Музее Росс. Академии Наук). Одно содержание нового сборника стихотворений А. Крымского ясно говорит, насколько богатый материал введен им в сокровищницу украинской поэзии.

И. Кр.

И. Майский. Современная Монголия. Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительных Товариществ «Центросоюз». Иркутск, 1921. IV + 332 + 128 + 6. Цифры в скобках — количество страниц.

Заглавие этого обширного труда не вполне отвечает его содержанию: из первых почти строк видно, что автор описывает только Северную или, так называемую, Автономную Монголию. Последнюю автор, по его словам, исколесил вдоль и поперек, но из приведенного краткого маршрута видно, что район его личных наблюдений ограничился только частью даже Автономной Монголии в пределах, ограниченных линией Кяхта—Урга—Дзаин—Шаби—Кобдо—русская граница. Об остальной части он говорит только по расспросным или статистическим данным, или умалчивает совсем.

Центросоюз преследовал практическую цель, — дать описание современного экономического состояния края, но автор вполне правильно расширил эти рамки, включив общие сведения по географии, этнографии, истории, администрации и религии, и таким образом сделал ее пригодной для самых широких слоев общества.

Выполнена работа за необычайной поспешностью: на изучение неизвестной ранее автору страны и составление труда (все это на месте в Монголии) затрачено только 16 месяцев (с половины мая 1919 г.), включая разъезды. Такая поспешность не могла не отразиться на качествах труда, и если тем не менее он оказывается не лишенным

¹⁾ Краткое изложение важнейших данных из этой книги автор поместил в «Новом Востоке» (кн. I, стр. 154—183).

значительных достоинств, то объясняется это тем, что свою несомненную наблюдательность автор подкрепил привлечением к сотрудничеству столь прекрасных знатоков края, какими являются местные деятели А. В. Бурдуков и Э. Б. Батуханов, ныне занимающий ответственный пост в Урге под именем Бату-хана. Кроме того, автор добыл данные монгольской статистики (он называет их результатами «первой всеобщей переписи населения и скота Автономной Монголии 1918 г.», но, повидимому, это просто сводка обычной официальной статистики, которая ведется систематически во всех княжествах Монголии),

Зато в отношении литературных источников дело обстоит значительно хуже. Составляя свой труд в самой Монголии, автор мог воспользоваться только теми из них, которые оказались в стенной библиотеке А. В. Бурдукова, а по возвращении в Россию он не восполнил пробелов, в виду спешности дела издания. Условия нынешней действительности делают понятными эти обстоятельства, но И. Майский, к сожалению, прибег для их объяснения к простому опорочиванию всей литературы о Монголии, которой Россия по справедливости может гордиться: тут и «варварская форма изложения», и большая специализация, и «бюрократический характер прежних исследований», и, наконец, их устарелость. Подобные сетования могут быть еще поняты в устах рядового читателя, но для исследователя, каким себя считает автор, задавшегося вместе с тем целью популяризации, знакомство даже со специальной литературой безусловно необходимо.

Пренебрежение к литературным источникам не прошло автору безнаказанно. Касаясь численности населения Автономной Монголии, он приписывает Беннингсену цифру 1.400.000 душ, не обратив внимания на то, что она относится к большему району, а настоящая численность указана названным путешественником на 54 стр. его работы в цифре 500.000 душ, которая как раз совпадает с выводами И. Майского. Таким образом, претензия последнего на то, что им впервые установлено более точно количество населения Автономной Монголии, не имеет под собою почвы. Далее, обратив свое внимание на многочисленные памятники древности и поставив ряд вопросов об их происхождении, автор патетически восклицает: «молчаливая степь умеет хранить свои тайны», не подозревая при этом, что осмелевший им и приправленный к алхимикам «цеховой ученый» сумел разгадать много из этих тайн и поведать об них всему цивилизованному миру в своих действительно «тяжеловесных», капитальных исследованиях. Он тоже не подозревает, что, основываясь на простом созвучии (Каракорум и Хара-балгасун), он оживляет давно

зданную в архив догадку о месте нахождения резиденции первых монгольских ханов, и что для своих лирических излияний, посвященных этой резиденции и тени Чингис-хана, ему следовало переехать немного к югу, в монастырь Эрдэни-дзу. По мнению автора, нам в точности неизвестно, какая религия существовала у монголов в эпоху Чингис-хана, и предполагает, что это была какая-то бывшая форма язычества; вообще глава о религии отличается большими недочетами. Нельзя также одобрить и пользования сведениями из вторых и третьих рук, особенно же действительно устаревшими (напр., по истории Монголии — Карамзиным, Риттером, Карутерсом и др.) при наличии специальных по данному предмету работ.

Многочисленные лирические отступления, имеющие, надо думать, целью оживить рассказ, чередуются у автора с беспеляционными отзывами и приговорами по самым серьезным, но недостаточно спорным вопросам. Так, для него китайская культура насковзь прогнила; в XX в. шансы на самостоятельное существование имеют только большие народы (с десятками и сотнями миллионов душ); современная Монголия находится накануне своей окончательной гибели, и он благодарит судьбу за то, что она дала ему возможность зарисовать на память человечеству эту старую Монголию...

Вообще, автор очень высокого мнения о своей работе. Мы не станем разубеждать его в этом или оспаривать его претензию на право именовать себя исследователем. Мы даже приветствуем появление его книги: она способна заинтересовать читателя и дать ему общее представление о стране и ее населении и массу ценных сведений по отдельным вопросам. Но вместе с тем мы вынуждены указать, что долг автора — пересмотреть тщательным образом свой труд и дать новое исправленное издание. К этому должны побуждать автора и опечатки, которыми кишит его книга, и малая ее доступность, благодаря изданию в Иркутске.

В. Котвич

Новый Восток, журнал Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения при НКН, под редакцией М. Павловича (Вельтмана). Книга I. Москва 1922. Стр. 494 in. 8°.

Сосед Востока, Россия, всегда хорошо его знала и понимала; русские много бывали на Востоке и говорили на восточных языках, русские правительства создавали свою политику по отношению к Востоку, а массы русского народа шли своими путями на тот же Восток, во многом столь им близкий, во многом гораздо более близкий, чем Запад.

Не даром говорилось о трех мирах: Востоке, Западе и России. Мировая война, нарушившая мировое равновесие, отразилась, конечно, и на Востоке: потрясенный Запад дал Востоку возможность почувствовать ослабление гнета последних столетий, и начался новый период жизни Востока, сложный и трудный, полный глубокого внутреннего разлада между старозаветною, жизнью народных масс и смелым дерзанием европеизованных верхов. И Европа стоит в недоумении перед этим новым Востоком, который гораздо труднее понять, чем прежний. Его, однако, необходимо понять, ибо эти сотни миллионов людей, несомненно, вновь призваны сказать свое мощное слово в мировой жизни.

Попытку к этому пониманию нового Востока делает и юная «Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения» в своем журнале «Новый Восток». Вводная статья о задачах Ассоциации знакомит нас с ее стремлениями и чаяниями и с ее исходной точкой. Приветствуя эти стремления и чаяния, мы не можем, однако, согласиться с той характеристикой, которая дана русскому востоковедению в целях выяснения, что надо делать Ассоциации. Нам кажется, что неправильно понята статья В. В. Бартольда и не сделано попытки выяснить несомненно крупные достижения русского востоковедения в многих областях. Справедливо, конечно, что правительство мало и, во всяком случае, не достаточно систематически заботилось о судьбах нашего востоковедения, но ведь не правительство создавало нашу жизнь, и русские востоковеды шли, несмотря ни на что, своими путями на Восток, так же как шли туда русские народные массы. Ассоциации Востоковедения надлежало ближе всмотреться во все то, чего достигли русские востоковеды: тогда она почувствовала бы, что и прошлое, и настоящее нашего ориентализма полно и большой работы, и больших результатов. Долголетние занятия за границею и обширные связи среди востоковедов Запада и Востока показали мне, что наших ориенталистов больше знают и ценят на Западе, чем у нас, во всяком случае, лучше читают, даже когда они нишут, как большинство русских востоковедов, почти исключительно по-русски. Это подтверждается и теперь.

Открывая первую книгу «Нового Востока», я искал в ней некоторого подведения итогов того, что сделано в России для познания старого Востока, без знания которого нет истинных путей к пониманию нового. Задача, конечно, не легкая, ибо, повторяю, сделано много, и только этим я и объясняю себе, что ожидания мои не оправдались и что кроме интересной, но очень специальной, статьи проф. Л. Мсерианда «К истории санскритологии в России», я не нашел почти ничего, кроме рецензий о вновь вышедших

русских книгах, что говорило бы о русском востоковедении.

Напомню здесь, ввиде возможной программы для ряда очерков, о том, что сделано нашими ориенталистами, конечно, в самых общих чертах. Богатейшая русская литература о севере Азии, ее палеазиатах, о Сибири и ее многочисленных народах ждет, правда, еще объединяющего обзора, но на нее опирается Запад, когда работает научно в этой области. Средней Азии посвящены капитальные и руководящие русские труды — стоит вспомнить В. В. Бартольда и ряд русских научных экспедиций — и здесь эта литература велика и разнообразна. Мы создатели туркологии, ибо у нас и с нами работал В. В. Радлов, труды которого основа научного изучения разнообразнейшего мира турецких народов. Персия и Иран изучались нами интенсивно — по языкам Персии наши русские труды дали много, без них не могли быть написаны целые главы иранской энциклопедии, часть которой составлена русскими учеными; вспомним только в области иранистики наших Шегрена, Дорна, Ханькова, Лерха, Залемана, В. Ф. Миллера, Жуковского и столько других. Исследование языков Ирана одна из блестящих страниц русского востоковедения. А Кавказ? Ведь изучение его ~~важнейшего~~ ^{важного} мира главным образом наше дело, напомним только о Броссе, Усларе, Марре и еще многих других. Античный Восток и Египет с гордостью могут указать на Тураева, Голенничева, Лемма и на ряд их учеников. Южно-русский Восток, с его любопытнейшими проблемами, изучен, ведь, именно нами, и тут завязывается узел взаимных влияний целого ряда культур. Археологической Комиссии, превратившейся ныне в Академию Истории Материяльной Культуры, принадлежит и ряд замечательных работ в этой области и изданий, пользующихся мировою известностью. Если мы теперь перенесемся с западных окраин восточного мира на Дальний Восток, то увидим, что и здесь русское востоковедение занимает почетное место — вспомним имена Палладия, Иакинфа, Васильева, Алексева в области синологии. Для Монголии и Тибета нами сделано исключительно много: у нас находятся несравненное собрание книг и рукописей, каких нет нигде в такой полноте. Тот любопытный мир, где по оазисам, окруженным пустынею, развивалась своеобразная культура, — соединение индийской и китайской, с влияниями эллинизма и передней Азии, — введен в научный оборот впервые нами: наши пионеры-путешественники изобразили Восточный Туркестан, исследуя Сериндию. Даже по отношению к Индии, далекой от нас, мы можем указать на знаменитые петербургские санскритские словари, которыми наша Академия Наук справедливо снискала себе славу,

как и другим своим изданием, — *Bibliotheca Buddhica*, — и то и другое издание пользуются мировой известностью. В области буддизма труды Шмидта, Шифнера, Васильева, Минаева, Щербатского, Розенберга — настольные книги. Я далеко не исчерпал указаний на то, что сделано русскими ориенталистами, но и сказанного достаточно, чтобы показать, как несправедливо пессимистическое настроение молодого востоковедного журнала, который слишком буквально принял обычные русские вздохи за объективную оценку положения востоковедения и из за этого не произвел самостоятельного пересмотра русской научной литературы; пересмотр убедила бы его, во первых, что есть на чем основываться в деле ознакомления с Востоком в прежних трудах русских востоковедов, а во вторых, что это прошлое обязывает вести работу объективно и с тщательною проверкою сообщаемого; если «Новый Восток» будет проникнут этим сознанием, то успех его обеспечен.

Смущает нас только его взгляд на Россию, как на вселенского учителя: нам самим надо еще столькому учиться, что немного рано нам учить других. За то горячо приветствуем мы идею планомерного изучения Востока и собирание к тому материалов. Препятствием пока служит скудость материальных средств и недостаток в рабочих. У тех, однако, кто видел нашу востоковедную молодежь, в Петроградском университете, институтах Петрограда и Москвы, есть несомненное сознание, что если университет и институты будут существовать, не будут подвергаться бесчечным новым реформам и будут, наконец, снабжены материальными средствами, изучение изменившегося Востока пойдет у нас вперед быстрыми шагами.

И тут и для Ассоциации, и для ее журнала открыто широкое поле деятельности в соответствии с ее планами и намерениями, которые видны из построения «Нового Востока». Журнал делится на следующие пять отделов: политико-экономический, историко-этнологический, материалов и документов, обзор печати, библиография. Из них наиболее ответственный и трудно организуемый первый, и потому мы подождем дальнейших номеров журнала, чтобы высказаться, так как некоторые дефекты этого отдела и, особенно, скороспелость некоторых выводов являются м. б. лишь последствием большой трудности правильной постановки дела, нового и чрезвычайно сложного. Интересна здесь статья «Правовые достижения России в Азии», С. А. Котляревского, основанная на фактическом материале договоров. Статья М. П. «Тихоокеанская проблема» правильно указывает на громадное значение Дальнего Востока для будущих мировых взаимоотношений.

Примыкающий по существу сюда отдел «Обзор печати» дает интересные выдержки из туземной прессы; тем более приходится жалеть о том, что этот отдел, как и другие, сильно обезображен чрезмерно многочисленными печатками, особенно в восточных названиях. Историко-этнографический отдел и библиография еще не достаточно связаны с основными отделами журнала, не приведены в связь старый восток с новым; но было бы, конечно, несправедливо уже теперь упрекать за это редакцию, зная до чего трудно продуманно и систематически связать старое и новое, особенно при ограниченных наших силах. Нам кажется, что «Новый Восток» не всегда учитывает этот недостаток сил и, задаваясь сразу слишком широкими задачами, обрекает себя тем самым на недостаточно отчетливое их выполнение: в этом большая опасность для молодого журнала и его читателей, большинство которых неизбежно будут принимать на веру напечатанное в журнале; на него, поэтому, падает особенная ответственность. Но ведь всякое живое дело носит в себе самом элементы необходимых поправок, и мы убеждены, что «Новый Восток», совершенствуясь с каждым номером, скоро сможет стать надежным и увлекательным руководителем для своих читателей, давая им тщательно проверенный свежий материал о старом и новом Востоке, которые пока так неразрывно связаны один с другим.

Сергей Ольденбург

А. Ивин. Современный Китай (Письмо из Пекина). «Новый Восток». Журнал Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения при НКН. Книга 1, стр. 184—198.

М. Абрамсон. Политические общества и партии в Китае (там же, стр. 199—223).

А. Садовский. Железные дороги Китая (там же, стр. 224—231).

Обзор китайской прессы (там же, стр. 360—365).

Библиография, хроника (там же, стр. 366—454).

Подводя в «Новом Востоке» итоги деятельности издающей журнал Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения, редакция журнала отмечает, что ею «приглашены сотрудники-корреспонденты в Китае, Афганистане, Индии, Монголии, Японии и Турции», при чем им «было дано задание давать ежемесячные обзоры прессы, в которых должна всесторонне освещаться жизнь той или иной страны зарубежного Востока».

«Независимо от этого—продолжает статья—Ассоциация Востоковедения обратилась также к виднейшим ученым специалистам Китая, Монголии, Японии и Индии с предложением принять деятельное участие в работе Ассоциации, в ее литературной работе, путем присылки статей, информации и т. д. по наиболее актуальным и крупным вопросам современной политической и экономической жизни стран Востока».

Таким образом, Ассоциация начинает развешивать свою деятельность в размерах, доселе не виданных, и мы находимся в приятном ожидании, вместо бледной пары безграмотных обзоров в одном из толстых журналов—читать корреспонденции с мест, принадлежащие, к тому же, «виднейшим ученым специалистам Китая» и др. стран Востока, не говоря уже о том, что, обладая такой массой справочных пособий и книг, как свидетельствуется библиографическим отделом, Ассоциация имеет доступ ко всему для себя значительному, не выезжая из Москвы. Ожидания наши подкреплены сообщением Ассоциации о том, что ею «в настоящее время получен ряд крайне ценных корреспонденций с мест», и, очевидно, в результате этих полученных—вышепоименованные статьи.

Пишущему эти строки, конечно, хотелось бы прежде всего ознакомиться со статьями одного из «виднейших специалистов Китая», под которым, судя по конструкции фразы и дальнейшему тексту, надо понимать ученых китайцев, желающих информировать о себе Ассоциацию. Однако, таковых в книге I «Нового Востока», к сожалению, не имеется.

Материала в вышеперечисленных статьях дано очень много. О качестве его судить человеку, до которого не доходят оригиналы, послужившие корреспонденту источником, довольно трудно. Ему может быть доступна лишь критика признаков, обнаруженных при чтении статей, на которых он рассчитывал бы поучиться многому, что сейчас для него недоступно.

Прежде всего, что касается авторов статей, то в качестве китаеведов-авторитетов они выступают, кажется, не так давно; по крайней мере, пишущему они попадаются впервые. Источник осведомления А. И. в ина не назван, за исключением эпизодического упоминания о Weekly Review, без дальнейших уточнений (вероятно, это The Weekly Review of the Far East). На стр. 189 находим у него известие о том, что ему пришлось присутствовать на «предварительных дебатах студентов одного из высших учебных заведений Пекина, должностных принять участие в состязании в ораторском красноречии на тему: «Следует ли Китаю войти в оборонительный союз с ДВР и Сов. Россией»—и далее сообщает о любительных своих наблюдениях во время этого диспута, тут же зафиксированных. Однако,

самое поверхностное наблюдение над транскрипцией китайских иероглифов, о которой будет речь несколько далее, указывает на полное незнакомство автора с китайским языком, и, следовательно, весьма сомнительно, чтобы ему могло удасться такое сложное наблюдение, как наблюдение над речью двух китайцев, его лично не касающейся. Другие авторы точно так же китайского языка не знают, что не менее очевидно.

Можно упрекнуть дальневосточную часть «Нового Востока», вообще, в некоторой небрежности. Так, об одной и той же книге Гильберта «Рейда» (надо: Рийда): China: Captive or Free, изданной в одном и том же году в Лондоне и Нью-Йорке, даны на одной и той же стр. 396 две соответствующих рецензии, одна покороче, другая чуть-чуть подробнее, и вся разница, переведенная на библиографический язык, заключается лишь в двояком переводе английского заголовка: в одном случае «Китай—порабощенный или освобожденный», в другом «Китай—пленный или свободный». Рецензента (вернее—двух рецензентов) редакция не удосужилась свести к одному и выяснить, в чем заключается разница между обоими изданиями и нужно ли давать о них две самостоятельные рецензии, тем более, на одной и той же странице.

Точно такая же вещь случилась и с книгой «Leo Pasvolsky, Russia in the Far East (описание рецензента)», о которой на стр. 395 дана рецензия, применительно к ее лондонскому изданию, а на стр. 396 о ней сообщается снова, но, как бы, впервые, без всякого упоминания о предыдущей.

Непростительные ошибки обличают в авторах полное незнакомство с Китаем, и как духовным миром, и как политическим организмом, не говоря уже о истории Китая. Так, в статье Абрамсона на стр. 214 следующие удивительные вещи: «На протяжении истории китайской культуры мы встречаем выдающихся мыслителей, исповедывавших и проповедывавших анархизм, в том или ином виде. Таким ярким примером является известный китайский философ Лао Цзы, конгенитальный Толстому мыслитель, живший в IV в. до Р. Хр. и проповедывавший родственное Толстому учение». Не говоря уже о построении фразы, с дважды уложенной в нее великой, очевидно, истиной, чего стоит одна дата Лао-Цзы!

У того же автора на стр. 199 читаем опять, что «еще при маньчжурской династии (очевидно, пример наиболее отдаленной исторической даты) зародились первые тайные общества—будущие политические партии, направленные к свержению монархии».

А между тем, та же элементарная Encyclopaedia Sinica, на которую ссылается автор статьи, могла бы сказать ему sub voce Lao Tzu (стр. 287), что он родился в 604 г.

до Р. Хр. (как бы ни относиться к этой дате с научной точки зрения), и затем, sub voce «Secret Societies» (стр. 501) та же энциклопедия могла бы самую же первой фразой сказать, что «тайные общества процветали в Китае в течение многих веков... Примером первого (из перечисленных) рода может служить секта краснотелых (чи мэи), существовавшая в начале нашей христианской эры»...

Ограничиваясь пока этими примерами, думаю, что на страницах журнала, издаваемого научно ассоциацией, подобные утверждения — тем более лежащие в основе дальнейших суждений — неудобны.

С английским текстом, его транскрипцией и переводом дело обстоит в «Новом Востоке» также неважно. Не говоря уже о бесчисленных опечатках, осужденных рецензентом В. Кряжиным на стр. 387, как нечто недопустимое, и тем не менее являющихся характерным для первой книги «Н. В.» отличием, здесь встречаются еще неправильные транскрипции английских слов и имен (Yearbook-Ирбук; Reid-Рейд и т. п.), а также небрежные переводы главнейших, в роде «Индия и английское» (India and the English), «Былые дни в Новой Гвинее» (Last days in New Guinea), «Где идут по странному следу» (When the Strange Trails go Down).

Однако, все это мелочи, хотя и досадные. Не мелочью для пишущего, ищущего серьезных статей, является совершенно фантастическая транскрипция китайских имен. Так, неизвестный Кантон (Гуанчжоу фу или, если придерживаться той же ошибки, припадающей город за губернию, — Гуандун) фигурирует в виде Куантон, Кантон, Кантин и т. д. Одни и те же лица и места называются Цао Кунь и Цзао Кун; Тун Чжоу и Туан Чжоу; У Бейфу и У Пэй фу; Чжеу Цзы и Чжоу Цзе Чи, Дуань Цижуй и Туан Цижуй и т. п. Если «общий читатель», пропуская все это мимо глаз, возражает, что, ведь, это «мелочь», то можно утверждать, что параллельно этой системе транскрипции появились бы в английской транскрипции русские имена такого рода: Eevanov и Ivanof, Bikof и Bukov, Schedin и Chadrin, над которыми читателю пришлось бы придуматься не менее, чем, например, над «пр. Чап'ом», о котором говорится на стр. 199 и который мог бы, — согласно обыкновению автора смешивать фонетически, а тем более графически, разные вещи в одно, — мог бы быть: Чжан, Чан, Чжань и Чань. Наконец, если это, в конце концов, Чжан, то, принимая во внимание, что «Чжанов» в Китае не менее, чем у нас Ивановых или Петровых, и что без собственного имени одна фамилия никого не

обозначает, даже с префиксами, в роде «пр.», подобное упоминание на сведущего читателя не производит впечатления.

В статье о железных дорогах нельзя обозначать всем известную станцию Шанхай Гуань через «Шан-ай-кун» и писать такие, например, вещи: «Постройка в северном направлении к Шан-ай-куну началась в 1891 году и была продолжена до Шанхая — в 57 милях от Великой Стены». Подобные вещи в каких бы то ни было статьях о Китае встречаются, вообще, чрезвычайно редко, и еще реже в статьях о железных дорогах, ибо, надо думать, перед пишущим лежит карта и соблазнительное для глаза отождествление Шанхай Гуан'я на севере с Шанхаем на юге может быть в одну минуту рассеяно, как заблуждение.

Принимая на себя совершенно насущную и важную задачу пролить свет на то, что творится на далеком и недоступном даже для сношений Востоке. Научная Ассоциация должна принять меры к устранению из своих «крайне ценных корреспонденций с мест» подобных, выражаясь мягко, недоумений.

В. Алексеев

Наука и Просвещение. Ежемесячный журнал Народного Комиссариата Просвещения Туркески Республики. Август—сентябрь. № 1. Ташкент, 1922 г. Цена 50 р. Стр. 48.

Наркомпрос Туркески Республики наметил издание трех журналов: на русском, узбекском и киргизском языках. Нами только что получен № 1 русского журнала; узбекский, по слухам, вышел, но нами не получен. По словам редакции русского издания (проф. Е. Полянов, Ишан Ходжаев и Е. Чернявский) «соответствующей аналогией для него в дореволюционной периодической литературе можно было бы считать программу «Журнала Министерства Народного Просвещения». Содержание научного отдела «ограничивается рамками краеведения и педагогики». Предвидится возможность выделения вопросов педагогики в особый журнал. В № 1 входит, кроме того, часть материала журнала «Искусство и Жизнь». Редакция напрасно обращается с просьбой «не критиковать № 1 за то, что в нем дана более чем скромная часть предполагавшихся отделов», это — излишняя скромность. Мы приветствуем работников просвещения в Туркестане, успешно преодолевающих финансовые и технические затруднения на пути издательской деятельности и самоотверженно стоящих на страже новой общечеловеческой культуры в Средней Азии.

Среди участников № 1 мы видим и петроградских востоковедов: акад. Бартольда,

1) Орфография рецензента.

проф. А. Э. Шмидта, проф. Е. Д. Поливанова, покойного проф. П. А. Фазева и местных востоковедов А. А. Диваева, Б. Пестовского, Н. Н. Иомудского (Иомуд-хан).

Статьи проф. Поливанова касаются принципов построения турецкой грамматики, вопроса о реформе узбекской орфографии, звукового состава ташкентского диалекта и общелингвистического вопроса о процессе грамматикализации с привлечением восточных материалов.

А. А. Диваев дает описание этнографических сборов среди семипреченских киргиз казаков в 1920 г. Н. Н. Иомудский приводит туркменский рассказ о старом русле Аму Дарьи.

Б. Пестовский знакомит нас с новейшими узбекскими драматургами, ссылаясь на № 1 ташкентского журнала «Искусство и Жизнь».

Материалы для биографии убитого в 1919 г. в Бухаре известного самаркандского литератора Бегбуди сообщены М. Ф.

Много внимания уделено положению местных мусульманских школ. В официальном отделе опубликован документ о допущении в советских школах коренных народностей Туркестана преподавания вероучения.

Имея в виду, что журнал предназначен не для специалистов, а для широких читающих масс, позволим высказать пожелание, чтобы редакция исправляла или оговаривала в примечаниях погрешности авторов в переводах с местных языков и в сообщениях фактов местной истории. Погрешностей таких, правда, в № 1 немного.

А. С.-ч

Журнал «Туркмен Или» («Туркменский народ»). Первый номер вышел 25 июля 1922 года в Ташкенте.

Журнал издается Туркестанской партией коммунистов на туркменском языке, литографским способом, по почину 4—5 туркменов, работающих в Ташкенте. Тираж журнала — 1000 экземпляров.

Номер открывается статьей от редакции, за которой следуют: «Текущий момент» и «Вопрос об основании партии коммунистов в Туркмени».

Худа-кули-Ханов дал общий краткий обзор расселения закаспийских туркмен, начиная Ставропольской губернией и кончая Анхарской волостью Самаркандской области и джизакским уездом, и подчеркнул наличие традиционной вражды между туркменскими племенами и их подразделениями.

В статье Кюмюш - Али Буриева «Хивинское ханство и туркмены» делается попытка выяснить истинные причины туркменско-узбекской розни. До русского

похода на Хиву туркмены пользовались в ханстве рядом привилегий за военную службу. С утратой этих привилегий туркмены экономически оказались в худших условиях, чем узбеки, как живущие на грани культурной полосы и песков и как народ, мало склонный к личному земледельческому труду. До начала мировой войны туркмены скрывали свою неприязнь к узбекам из-за страха перед русскими. С 1915 года начались открытые враждебные действия между туркменами и узбеками (дело юзбани Шах-Мурада Бахши). Рознь устранится, если при содействии Советского правительства оба враждующих народа будут уравнены во всех правах.

За статьями о союзах батраков и о социальном обеспечении следуют отделы литературный и педагогический. В статье «Два слова о литературе» (продолжение следует) Алла-кули Гарраханов призывает соплеменников записывать памятники устной народной словесности, собирать письменные литературные памятники и знакомить народ с литературой и историей литературы других наций, не стыдись подражания, которое должно привести к созданию собственной литературы. Интересующийся языкознанием и педагогикой Абдулрахман Сади дал две статьи: «Как возник у людей язык» и «Воспитание на Востоке».

В статье «Туркменская научная Комиссия» сообщается об учреждении названной комиссии при Туркестанском Комиссариате Просвещения с целью подготовки учебных пособий на туркменском языке для туркменских школ как путем перевода русских и «турецко-татарских» книг, так и путем использования туркменской истории и народной словесности. Часть книг уже составляется, часть — печатается. Среди последних: «Родословие туркмен-иомудов», работа Иомуд-хана Авна-Мухамед Гарашхан-оглы (Н. Н. Иомудского). Перу названного автора в настоящем номере журнала принадлежит заметка об имеющих выйти в свет двух его книг: «О карательной экспедиции ген.-лейт. Мадритова 1916 г. в стране туркмен-иомудов» и «О колонизации русским дарским правительством Астрабадской провинции в Персии».

Не касаясь остальных статей журнала, отметим в заключение помещенные в нем туркменские стихотворения: «Туркмены» (Х. Ханова), «Школа» (Х. Сахат-Муродова) и без подписи «Памяти нашего дорогого поэта Мулла-Дурды». Этот поэт из аула под Асхабадом был сыном поэта Метаджи, оба поэта принадлежали к текинскому племени Аманша, богатому, по отзывам, поэтическими талантами со склонностью к сатире.

А. Самойлович

Энциклопедия сведений о Китае.

Европейцу, столкнувшемуся с китайской литературой, а равно и с литературой о Китае на других языках, приходится обнаруживать крайнюю недостаточность существующих лексиконов, дающих в лучшем случае лишь некоторую проекцию понятия, сообщаемого словом, не говоря уже о собственных именах и сложных культурных целях. Поэтому, вместе с ростом китайско-европейской лексикографии, создавались и энциклопедии о Китае. Из таких энциклопедических пособий особенно популярны среди китаеведов: *Mayers*, «A Chinese Reader's Manual», изданный еще в 1874 г., *Dyer Ball* «Things Chinese» и *Giles H. A.* «A Chinese Biographical Dictionary». Все эти полезные издания, однако, лишь отдаленный намек на то, что, действительно, нужно учашемуся китаеведу, не говоря уже о китаеведе-исследователе. Это прекрасно сознает автор изданной в 1917 году в Шанхае «Encyclopaedia Sinica», *Samuel Couling*, как видно из предисловия к его книге, только что прибывший в Петроград.

Он смотрит на свое предприятие, только как на начинание (не упоминает почему-то о предшественниках, весьма этого заслуживающих). Действительно, название, данное им этой книге, обязывает, ибо над ним незримо, но слышимо парит звуковая тень *Encyclopaedia Britannica*, и совершенно правильно думает, что успех *E. Sinica*, как и *E. Britannica*, заключается в непрерывных, увеличивающихся и улучшающихся их изданиях.

И в самом деле, в этой книге замечается много улучшений по сравнению с упомянутыми выше пособиями. Начать с того, что в ней соединены лучшие качества предшественниц: биографический материал *Джайлза* (хотя и не в должной полноте), литературный *Мэйерса* и бытовой *Болла*. Затем, не удовлетворяясь своими собственными силами (и, повидимому, не без оснований), автор обратился за помощью многих светил китаеведной науки, как, напр., к покойному Шаванну, его ученику и сотруднику *Пэлло*, *Лауфэру*, *Джайлзу* и целому ряду других. Кроме того, в его распоряжении была огромная, совершенно исключительная по своей полноте библиотека знаменитого корреспондента «Таймса» *Моррисона* (*Dr. G. E. Morrison*). Впрочем, ее использование было очень частичным, хотя автор и указывает на то, что библиографические сведения, им даваемые в конце статей, намеренно неполны.

Наконец, всё новое, что он собрал в свою энциклопедию, действительно ново и полезно. С этой книгой в руках учащийся спасен от многих недоразумений, преследовавших его при чтении китайских текстов доселе. Можно быть, действительно, благодарным автору за начин и следует ему помочь.

Можно сказать еще много хорошего об этой книге, рекомендуя ее вниманию, как китаиста, так и общего читателя книг о Китае, но лучше это сделать в большой статье. Книга содержит в себе 603 двухколонные страницы, набранные петитом, курсивом, китайским шрифтом и т. д. очень четко и довольно разнообразно.

Можно сказать и много неприятного автору, но он сам знает о недостатках книги своей немало, хотя не все. Об этом, опять-таки, писать надо в большой статье. Здесь же надо ограничиться, как более вопиющим, отсутствием указателя в конце книги. Нельзя же, в самом деле, заставлять читателя ломать голову над тем, где искать Цинь тань дэнь, если он нашел о гадании по земле не под геомантией (*Geomancy*) а под *Feng Shui*. Оказывается, надо искать под *Astronomy*, что противоречит системе. Это первый попавшийся пример, но таких очень много.

В английской прессе уже появились критические обзоры этой Энциклопедии, и так как они дойдут до сведения автора скорее, нежели то, что я указал бы в этой статье, то ее можно пока на этом закончить.

B. A.

Очередной справочник о Китае.

Перед нами очередной выпуск английской «Книжки о Китае» за 1921 — 1922 г.г. (*The China Year Book. 1921—2. Чжун* ¹⁾ *Хуа* няньту данькао шу. Тэ цзы Чжун Хуа Го Минь дэю юй ин юн ²⁾). Edited by *H. G. Woodhead*. *C. B. E.*, editor of the «Peking and Tientsin Times» ³⁾. Associate Editor *H. T. Montague Bell*, Formerly Editor of the «North China Daily News» ⁴⁾. Tientsin: Tientsin Press, Limited. 1921).

Эта книга пришла в Петроград в конце 1921 года и своим содержанием у отсталого от Европы и Китая китаеведа вызвала, как говорят китайцы, «друг с другом переплетающиеся вздохи радости и огорчения».

Книга открывается общими главами о поверхности и населении Китая, излагаемыми, как и все дальнейшее, по последним сведениям, о географии, геологии, фауне, флоре и облесении, о климате и метеорологии. В главе VII дается много сведений

¹⁾ Китайские иероглифы в русской условной транскрипции. Перевод их, в следующем примечании.

²⁾ «Ежегодник - справочник Срединно - Цветущей (Республики), с особым назначением в качестве руководства для школ граждан Республики».

³⁾ Один из главных органов английской повседневно печати, издающийся в Тяньцзинь с 1894 года и имеющий главную циркуляцию на севере Китая.

⁴⁾ Это самый важный, влиятельный и осведомленный орган английской печати в Китае, издающийся в Шанхае и печатающийся еще особым еженедельным изданием под заглавием «North China Herald». Этот последний является совершенно незаменимым осветителем китайской жизни с 1850 года, и без него китаевед не может, собственно говоря, обходиться.

о народе и составных его частях, о его языке и диалектах. В главе VIII, использованной уже на страницах «Востока», приведен полный список газет и журналов, зарегистрированных на китайской почте, с обозначением их титулов на китайском и европейском языках, места издания, владельца. Конечно, было бы желательно знать многое и другое о выходящих в Китае печатных органах (их направлении, объеме, степени независимости и т. п.), но, если применить этот принцип ко всем прочим отделам, то никакой ежегодник с этим бы не справился, и следовательно, ставить это издателям на вид не приходится.

Далее идут главы о скотоводстве и земледелии, об угледобывающей и минеральной промышленности; за ним идут главы о монетах, мерах и весах, и особенно важные и полные о торговле, финансах и монетной циркуляции — вопросе, в Китае особенно сложном и всех занимающем. В главе XV приведены официальные документы насчет Нового Консорциума 1921 г. В главе XVI сообщается положение вопроса о старом и новом законодательстве Китая, об экстра-территориальности подданных великих держав и о предварительном своде законов Республики. Главы XVII — XVIII говорят о путях сообщения, в том числе и авиационных. В главе XIX рассматриваются самые тревожные для Китая вопросы обороны в связи с потрясающим страну дудзюнатом (провинциальные сатрапы). Глава XX говорит о новом культурном движении и о реформированной системе китайского образования.

В главе XXI трактуется монгольский вопрос. Глава XXII, использованная целиком, как оригинал для статьи «Русский вопрос в Китае» на страницах «Востока», дает такие сведения и документы, что заслуживает быть переведенной и подробно комментированной на большем количестве страниц, нежели то, которое могло быть отведено в хронике нашего журнала. Глава XXIII излагает проблемы Китая, связанные с окончанием войны, борьбу Китая с Японией за Шаньдун и вопросы, поставленные Китаем перед Мирной Конференцией по этому поводу.

Дальнейшие главы говорят об инженерных работах по улучшению Шанхая и других портов, о годе 1920 — 1921 г.г., охватившем население в 40 миллионов людей и т. д.

Наконец, идет речь о китайском правительстве, история которого, начиная с возникновения республики, использована на страницах нашего журнала, и алфавитный список лиц, повлиявших на историческую поверхность за последние десять лет.

Много хорошего можно сказать об этой книге, очередной выпуск которой еще лучше, чем предыдущие, не взирая на условия, при которых состоялось перенесение

ее редакции из Лондона в Тяньцзинь. Состав лиц, упомянутых в предисловии и принимавших участие в книге, блистает именами первоклассных знатоков нового Китая, в том числе и европейски образованных китайцев. Целый ряд статей нужно, как мы говорим, прямо усвоить и дать усвоить при посредстве перевода другим желающим.

Можно пожалеть о неполноте справочного материала, замечаемой то здесь, то там. Так, например, в отделе биографии (Who's Who) нет сведений о крупных революционных фигурах Фын Гочжана и Цзай Ао, хотя в тексте о них упоминается. Да, можно пожалеть, но поставить это на вид торопившимся с изданием этого ценного справочника лицам не хватает смелости.

В. А.

Индийские сказки.

1. Twenty-two Goblins, translated from the sanskrit by Arthur W. Ryder, with illustrations in colour by Perham W. Nahl, London and Toronto: I. M. Dent and Sons Ltd., New York: E. P. Dutton and Co., MCMXVII.

2. Jataka tales translated and edited with introduction and notes by H. T. Francis and E. I. Thomas, Cambridge at the University Press 1916.

3. Hindu Fairy Tales, retold for children by Florence Griswale with illustrations by Helen Jacobs, London; Georges G. Harrap and Company; 1919.

4. Hindu Tales from the Sanskrit, translated by S. M. Mitra, adapted by Mrs. Arthor Bell; Macmillan and Co., Ltd., London 1919 (из серии English literature for secondary schools).

5. Bengali household tales, collected and translated by the Rev. William McCulloch, London 1912.

6. Bengali Fairy Tales by F. B. Brandley-Birt with illustrations by Abanindranath Tagore, London, John Lane MCMXX.

Индийскими сказками всегда более всего интересовались в Англии; настоящий список, составленный на основании новейших поступлений Азиатского Музея Рос. Академии Наук, тоже содержит одни только английские издания; при этом надо отметить, что далеко не все, что вышло за последние годы на западе по индийским сказкам, стало для нас доступным: повидному, много интересных работ из этой области появилось в Германии, напр., переводы и исследования Гертеля. Несомненно одно: мир восточной сказки продолжает интересоваться европейцев, как ученых исследователей, так и вообще читающее общество.

Из рассматриваемых книг № 1 представляет перевод известного сказочного сборника «Ветáапанъчавимшатака» — «Двадцать пять рассказов Вамшира», с кото-

ры мы знакомимся по нескольким редакциям на санскритском языке и по переводам, пересказам и переделкам на различных наречиях Индии, а также на монгольском и калмыцком языках. Автор рассматриваемого перевода не дает совершенно никаких указаний относительно подлинника своего перевода, не указывает даже, что он занимается «Двадцатью пятью рассказами Вампира»; сказано только, что переведено с санскритского и больше ничего! Не объяснено даже, почему, вместо обычных 25-ти рассказов демона-вампира, оказывается 22. Такое отсутствие необходимых пояснений лишает книгу в большой мере того значения, какое она могла бы иметь. Действительно, несмотря на свою известность, «Рассказы Вампира» не были до сих пор переведены с санскритского полностью. В настоящем же случае мы лишены даже возможности судить о качестве перевода. О том, насколько вообще интересны «Рассказы Вампира», много говорить не приходится.

Следующие два номера представляют нам «джатаки», т. е. легендарные сказания о былых перерождениях Будды, знакомящие нас с древним фольклором Индии. Русскому читателю «джатаки» могут быть известны по замечательным переводам И. П. Минаева, бывшему министру Народного просвещения в семидесятых годах. Книга Франсиса и Томаса (№ 2) имеет задачей популяризовать «джатаки» канонического писания южных буддистов, изданные в Англии на языке паали и переведенные на английский разными лицами (в том числе и выше упомянутым Франсисом), под общей редакцией проф. Кауэлла. Она предлагает ряд «джатак» в хорошем переводе специалистов и дает общее поясняющее введение, снабжает текст всеми необходимыми объяснениями и примечаниями. Тот, кто хотя бы немного занимался индийскими литературными произведениями, найдет в рассматриваемой книге для себя много нового, но зато читателем, не знакомым с этой областью, она может быть прочитана с большим интересом и пользой.

№ 3. — «Индийские волшебные сказки» предлагают нам тоже «джатаки», но не в переводе, а в пересказе, приготовленном для детского чтения. Эта маленькая книжка вызывает двойное чувство: с одной стороны, представляется вполне хорошим делом ввести в детский мир богатство литератур Востока, с другой стороны, как-то грустно видеть вековые сказания, искаженные тенденциозной передачей.

Гораздо большего внимания заслуживает другая попытка в этом же направлении, попытка представить индийские сказки в доступном для детей изложении:

№ 4. — «Индийские сказки», переведенные с санскритского С. М. Митра и переработанные А. Балл. В этой маленькой

книжке мы находим сказки, заимствованные из большого сборника на санскритском языке, известном под заглавием «Катасарит-сэгара» — «Океан потоков сказаний» (в самой книжке Митра-Балл почему-то санскритский подлинник не указан), полностью переведенный на английский язык Тонэй. А. Балл очень удачно справилась со своей задачей: ей удалось в своем переложении сохранить краски и дух оригинала, и в то же время приблизить его к пониманию европейского школяра. Затем А. Балл снабдила каждую главу сказки рядом вопросов, обращенных к юному читателю, заставляющих его вдуматься в творение восточной фантазии и попытаться сопоставить с тем, что ему было до той поры известно, что говорила окружающая его жизнь. Повидимому, составление этих вопросов было делом очень трудным, но А. Балл справилась с этим превосходно: вопросы поставлены тонко, нельзя найти ни одной пошлой фразы.

Теперь от сказок книжных переходим к сказкам, живущим в устах народа, сказкам, которые рассказывает и слушает современный индус. Пред нами два сборника (№ 5 и № 6), оба собранные в Бенгалии. Особенно интересен сборник Мак-Каллока (№ 5). Книга эта составлена так, что может служить двум целям: ее оценит и специалист-фольклорист, и обычный читатель. Мак-Каллок рассказывает нам, как он собирал свои сказки, сообщает подробно: то о молодом бенгальском паньдита (ученый), тонком знатоке санскрита, который рассказывал ему большинство сказок его собрания, говорит и о принципах своего перевода. Самый текст сказок он снабжает примечаниями фольклористического характера, а иногда и бытового. Хотя сам Мак-Каллок говорит скромно о своих примечаниях, что они, наверное, не удовлетворят фольклориста, тем не менее нельзя не признать, что они ничем не отличаются от тех пояснений и примечаний, которыми обычно фольклористы-собиратели, вообще, и индийских сказок, в частности, снабжают издания своих текстов. По большей части в данном случае дело ограничивается указанием на сходные мотивы, обнаруживаемые среди тех или других сказочных сборников, которые, порой, привлекаются совершенно случайно, при чем сами сюжеты остаются в стороне. Конечно, и такая работа может оказаться полезной, но в большинстве случаев она не достигает цели: путем сопоставления отдельных мотивов совершенно невозможно проследить историю и родственные отношения той или другой сказки, объяснить ее современный облик. Для этого необходимы исследования сюжета, исследования, которые должны вестись по другим путям и в ином темпе.

Сказки, передаваемые Мак-Каллоком, обращают на себя внимание своей большой

литературностью, своей стройной композицией и порой кажутся заимствованными из какого-нибудь книжного сказочного сборника, которыми так богата Индия. Мы не имеем никаких оснований приписывать переводу Мак-Каллока, его передаче бенгальского подлинника это впечатление литературного произведения. Наоборот, все говорит за то, что английский переводчик с возможной близостью передает нам индийский, бенгальский текст. Разгадка кроется в пересказчике сказок, в молодом пандита, умевшем, как нам повествует Мак-Каллок, передавать свои сказки не только на родном бенгальском наречии, но и на санскритском языке. Бенгальский пандита, — как это вообще не редко случается, был не только пересказчиком, но до известной степени и автором, составителем своих сказок, и при достаточном литературном образовании и навыке мог им давать вполне литературную, хотя и не записанную устную обработку. На подобные явления фолклорист должен обращать всегда особое внимание.

Другой сборник (№ 6) — «Бенгальские волшебные сказки» — более обычен. Сказки собраны и переданы далеко уже не с такой тщательностью, как Мак-Каллоком, сюжеты менее занимательны, не так сложны и построены проще. Но, конечно, и этому сборнику найдется место среди других книг, посвященных живым индийским сказкам, каких довольно много на английском языке, по количеству которых придется признать совершенно незначительным, если вспомнить то богатство и разнообразие фолклорного материала, каким располагает Индия.

Все рассматриваемые книги изданы очень изящно и, за исключением «Индийских сказок» Митра-Бэла и книги Мак-Каллока, все снабжены иллюстрациями по большей части европейских художников; иллюстрации же последнего сборника «Бенгальские волшебные сказки» принадлежат Абанидранату Тагору.

Б. Владимиров.

Persian Tales written down for the first time in the original kermāni and bakhtiāri and translated by D. L. K. Lorimer and E. O. Lorimer with illustrations by Hilda Roberts; Macmillan and Co. Lmd., London 1919.

Как это ни странно, но персидские сказки, имеющие чрезвычайно важное значение для сравнительного изучения фолклора, очень мало известны в Европе, особенно народные персидские сказки. Рассматриваемая книга Лоримеров является прекрасной попыткой заполнить частично этот пробел. Хотя «Персидские сказки», записанные на керманском и бакhtiарском наречии и переведенные на английский

язык Лоримерами, рассчитаны, по всем данным, на широкий круг читателей, тем не менее они являются чрезвычайно ценными и для фолклористов — исследователей. Не специально-научный облик книги несколько не повредил ей и в чисто научном отношении. Несмотря на отсутствие объясняющего предисловия и примечаний, читатель оказывается в должной мере осведомленным о том, где и каким образом были собраны эти сказки: заголовок и словарь персидских слов, встречающихся в английском тексте сказок, с достаточно полным объяснением, вполне отвечают на вопросы, возникающие у читателя. Правда, нет никаких указаний на сходные параллели в других сказочных сборниках. Но и от этого книга Лоримеров не страдает, потому, что обычно приводимые сопоставления сходные мотивы очень мало чем помогают исследователю и только отпугивают своей громоздкостью обычного читателя. Главное, чего следует требовать от собирателя-фолклориста: текст сказок в хорошем переводе с необходимыми пояснениями. А этой задаче книга Лоримеров удовлетворяет вполне.

Знакомый с индийскими сказками будет поражен при чтении рассматриваемых «Персидских сказок» сходством сюжетов и мотивов в этих керманских и бакhtiарских сказках, в которых подлинное иранское как-бы отсечается на задний план. Здесь мы встречаем сюжеты, хорошо нам известные по знаменитым сказочным сборникам Индии: «Двадцать пять рассказов Вампира», «Тридцать два рассказа трона даря Викрамāditya», «Паньчатантра» и друг. Встречаем мы также сюжеты, известные нам по народным индийским сказкам, в особенности по сказкам, собранным в Пенджабе и Кашмире, странах, лежащих по соседству с Персией.

Среди подобных сказок особенно интересно отметить такие, которые как бы выкристаллизировались в определенную форму настолько, что сюжет почти не меняется при странствовании сказки даже в отдаленные края. Например, XXXI сказка собрания Лоримеров «Сказание о волшебной птице» почти совпадает с одной монгольской сказкой «История серой пташки», записанной Г. Н. Потаниным на границах Сибири (см. его «Очерки С. З. Монголии», IV, № 160). — Сказка эта несомненно индийского происхождения, даже книжного санскритского. Устный народный пересказ осложнил ее внесением новых мотивов, сконструировал по новому, создал новое развитие сюжета. А затем сказка эта, старая и новая в одно и то же время, вылившись в определенную форму, отправилась путешествовать с одной стороны, в Персию, с другой стороны — в далекую Монголию, куда она попала, по всей вероятности, при

посредстве Тибета. Но, несмотря на это, персидская и монгольская сказка оказываются необычайно близкими друг другу, и обе ясно говорят о своем индийском происхождении.

Книга Лорпмеров издапа превосходно, снабжена иллюстрациями и можно пожалеть только об отсутствии в ней указателя.

Б. Владимиров

L. Finot, Recherches sur la littérature laotienne. Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient, XVII, № 3, 1917.

Литература страны Лаос, очень интересной страны индийской культуры в Индо-Китае, до самого последнего времени была почти не исследована. Известный французский ориенталист, Луи Фино, обследовав рукописи, в Лаосе и в Ханое, туземные рукописи, дает нам солидный труд — общий обзор всей литературы Лаоса. Вслед за описанием особенностей лаосского письма и лаосской палеографии, проф. Фино переходит к обзору буддийско-религиозной литературы, канонической и внеканонической, а затем приступает к рассмотрению светской литературы, остановившись с особым вниманием на лаосских повестях, сказках, легендах. Лаосские сказки по большому счету индийского происхождения, среди них особенно замечательна Паньчатантра. Эта книга, обойдя почти весь мир, не забыла заглянуть и в Лаос и вылилась там в особую версию, знакомство с которой может доставить много радости всем интересующимся мировыми бродячими сюжетами. Благодаря подробному анализу проф. Фино, лаосская версия Паньчатантры делается доступной всякому, и на основании ее уже теперь можно внести разные поправки и дополнения в историю миграции знаменитой книги.

Лаосские романы являются произведениями более национальными и по форме, и по сюжету. В них господствуют стихи; лаосский стих оригинален, он приближается к типу полиморфного стиха, где наблюдается определенный ритм, но нет рифмы и не требуется определенное число слогов.

В конце своей книги проф. Фино прилагает список заглавий всех лаосских сочинений, ставших ему известными по рукописным собраниям буддийских монастырей Лаоса и библиотеки французской Дальневосточной Школы в Ханое. Думается, что примеру проф. Фино должны бы последовать представители и других областей востоковедения: не дожидаясь составления полных ученых описаний имеющихся в их распоряжении восточных рукописей, поскорее дать их списки, что вывело бы на свет много интересного, остающегося до сих пор известным только отдельным ученым.

Б. Владимиров

Sino-Iranica, Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran, with Special Reference to the History of Cultivated Plants and Products by Berthold Laufer, Curator of Anthropology, Field Museum of Natural History, Publication 201, Anthropological Series, vol. XV, № 3, The Blackstone Expedition, Chicago 1919.

Интерес к Ирану заметно возрос за последние годы, в особенности с тех пор, как были разобраны памятники согдийского языка, открытые в песках Восточного Туркестана, и было выяснено значение иранской, и согдийской в частности, культуры для народов Средней Азии.

В своей новой книге «Sino-Iranica» неутомимый исследователь, Бертольд Лауфер, снова обращается к Ирану и останавливается на большом и трудно-разрешимом вопросе о влиянии последнего на Китай, на китайскую культуру. У Лауфера мы находим и обильный материал, и интересный подход к делу: книга его оригинальна, она как бы выходит из рамок обычных работ ориенталистов-филологов.

Б. Лауфер на основании китайских источников исследует время и условия распространения разных культурных растений и растительных продуктов из Ирана в Китай; попутно он делает экскурсы в соседние области, рассматривает иранские культурные растения у других азиатских народов, главным образом, народов Средней Азии. Тут и виноград, и сахар, лук, перец, огурец, разные злаки, фиги, олива, морковь, текстильные растения, ароматы; одна глава посвящена иранским минералам, металлам и драгоценным камням.

В исследовании своем Б. Лауфер выступает не только во всеоружии ориенталиста, но и вполне подготовленным естествоиспытателем, хорошо знакомым со всей специальной литературой, в том числе и на русском языке. Поэтому книга его может быть интересна не одним только ориенталистам; ею должны заинтересоваться и географы, и естествоиспытатели вообще, в особенности же ботаники. Надо отметить при этом, что книга Б. Лауфера составлена так, что может оказать большую пользу и практическим деятелям, напр., Туркестана.

Конечно, при том обилии материала, с каким приходится иметь дело Б. Лауферу, в его книге неизбежны разные частные промахи, и специалисты из разных областей знания, наверно, их отметят, но в общем, можно сказать, такие недочеты, напр., очень рискованные и мало-обоснованные этимологии, не портят этого выдающегося труда.

Несколько слов Б. Лауфер посвящает отражению Китая в иранских и других сказаниях об Александре Македонском.

Б. В.

Romances of Old Japan, Rendered into English from Japanese Sources by Madame Yukio Ozaki. London: Simpkin, Marshall, Hamilton, Kent and Co., Ltd. (278 стр.).

Красиво изданная книга с многообещающим заглавием: «Сказания старой Японии, переданные на английский по японским источникам Ю. Озаки». Но она вызывает очень много недоумений.

Рассматриваемая книжка рассчитана, конечно, на обыкновенного читателя. Но и такому читателю — не ориенталисту — хотелось бы иметь более точные сведения о том, откуда заимствованы эти «Сказания»; ведь находит же возможным Ю. Озаки давать ученое латинское название упоминаемым в ее рассказе растениям, находит же она нужным приводить местами японский текст (в латинской транскрипции) японских поговорок и других стихотворений; наконец, она довольно точно определяет пересказываемые ею драмы. Далее, книга украшена многочисленными рисунками, но нет никаких указаний, чьи это рисунки, откуда взяты, оригинальные японские или европейские? Да и само заглавие не вполне соответствует дальнейшему: мы встречаем в книге и пересказ драмы, и рассказы из совсем недавнего прошлого.

Все эти промахи и недочеты лишают книжку Ю. Озаки какого-либо научно-литературного значения; мы даже поставлены в затруднительное положение для того, чтобы судить, насколько близко передает Ю. Озаки японский подлинник. Где эти подлинники?

Но, всетаки книжку Ю. Озаки нельзя оставить совсем без внимания. Несмотря на все свои недостатки, она всетаки к чему-то дает, показывает нам, хотя бы и очень не совершенно, японские народные сказания, повести, японскую сказку. А не надо забывать, что в Европе японская народная литература, японская сказка известны очень и очень плохо.

Содержание книги Ю. Озаки довольно разнообразно: здесь и пересказы литературных произведений, пересказы драм, народные повести и волшебные сказки. Среди последних оказывается одна — «Храм с барсуком», — которая принадлежит к тому фольклорному материалу, который в руках китайского писателя Пу Сунлина превратился в изящные рассказы о «Лисьих чарах». Разделяя вместе с китайцами воззрение на лису, как на оборотня-чародея, японцы смотрят так же и на барсука и о нем рассказывают такие же волшебные сказки.

Из других рассказов книжки Ю. Озаки останавливает на себе внимание сказание о «Перерождении Тама». В этой красивой сказке неожиданно, вслед за чудесами «Старой Японии», является новая жизнь; в волшебной сказке находится место для новой

Японии паровых машин и государственных школ. Сказка эта не только интересна, но и как бы символическа для Японии.

Б. В.

Ибн Зейдун, поэт Андалузии.

В 1920 году профессор в алжирской Константине А. Кур (A. Cour) напечатал большую работу об арабском поэте XI века Абу-ль-Валиде Ибн Зейду. Книга заслуживает внимания не только узкого круга специалистов по арабской поэзии уже потому, что это первая монография об арабском поэте в Испании. Знакомство с этой областью до сих пор черпалось из блестящих, но слишком кратких характеристик в общих трудах А. фон Шакка, не всегда основанных на полном привлечении относящегося сюда материала. Иногда, по одному случайно оброненному замечанию, суждения закреплялись на десятки лет, благодаря авторитету обеих работ и неудивительно, что Кур приходится восставать, например, против наименования Ибн Зейдуна арабским Тибуллом, утвердившегося за ним со времен Дои.

Полного дивана (собрания стихотворений) не дает и Кур, при этом, к сожалению, из него, но зато впервые рукописный материал обследован с такой полнотой. По предшествующим работам Кура видно, что он преимущественно историк; и здесь исторической части уделено особое внимание.

Как по эпохе, так и по личности Ибн Зейдуна тема этого вполне заслуживает. Правда, время единого государства для Испании уже прошло; блеск кордовского халифата, руководимого первыми завоевателями и объединителями полуострова мейядами, переходил уже в воспоминание. Славу единого государства разделили между собой мелкие эмираты — княжества. Утратив единство, культура утратила и первенство, однако еще в эту эпоху соперничество отдельных дворов и владений иногда влекло полезное соревнование, и могло казаться, что культура не только остановилась, но продолжает идти вперед. Утонченность развития шла, конечно, рука об руку с падением нравов и в обоих отношениях эпоха не редко напоминала итальянские республики позднего средневековья, как отмечено одним русским ученым; отдельные имена этого периода все же перешли в арабские хроники с ореолом не меньшей славы, чем кордовские эмиры; таков был и тот севильский князь аль-Мутамид, у которого Ибн Зейдун кончил свои дни, князь одинаково известный поэтическим даром и трагической судьбой. Ибн Зейдун выступает не только поэтом, но и сановником; его деятельность в этой роли с одинаковой легкостью открывала ему путь то к почету, то к тюрьме.

Детали его жизни не всегда ясны, но общие условия хорошо обрисовываются стихотворениями—этим дневником жизни каждого арабского поэта.

К сожалению, для исследователя поэзии, историческое значение наследия Ибн Зейдуна отнесено у автора на задний план его литературное: анализу поэтического творчества посвящено крайне незначительное место по сравнению с биографией. Между тем, именно с этой точки зрения он представляет благодарный материал. Конечно, нельзя отрицать, что его творчество носит традиционный ложно-классический характер—в этом смысле он очень близок к Абу Теммamu или аль-Мутанаббii на востоке, но арабская критика не без основания считает его одним из первых поэтов арабской Испании и с этим, сохранив указанную оговорку, не трудно согласиться. Тем более жаль, что А. Кур не счел нужным остановиться детальнее на литературном анализе. Вопросы поэтического образования, композиции и стили затрагиваются им крайне поверхностно; во всей этой части заметно или незнание, или полное игнорирование работ немецкой школы, в которой за одни последние десятилетия труды Шварца или Гейера могут служить прекрасным в методическом отношении образцом.

Нельзя не отметить неудачной системы издания арабских образцов без огласовки, приведения вариантов и, вообще, без соблюдения обычных теперь приемов издания. В таком виде эти образцы доступны только очень хорошему знатоку арабской поэзии; для обыкновенного же среднего арабиста они дадут еще меньше, чем мало удовлетворительная рукопись. Читатель будет благодарен Куру за французские переводы, которыми он сопровождает почти все стихотворения и которые занимают большую часть книги. К сожалению, это самая неудовлетворительная сторона работы—эти переводы кишат таким количеством элементарных промахов, которые заставляют думать об очень большой поспешности труда и малой начитанности в поэтической литературе.

Несомненная заслуга книги Кура в том, что она впервые суммирует материал о крупнейшем поэте Испании; однако, научный анализ его наследия попрежнему остается впереди.

И. Кр.

● Русское Археологическое Общество выпустило к столетнему юбилею Азиатского Общества в Париже роскошное издание, посвященное *археологической экспедиции 1916 года в Ван*, в частности, раскопкам двух ниш на ванской скале и надписи Сардура II из раскопок западной ниши. Вслед за общим введением Н. Марра издание содержит два доклада И. Орбели и Н. Марра, сопровождаемые семью таблицами клинописных снимков и двадцатью таблицами фотографий и чертежей. О научном значении экспедиции специалистам давно было известно по статьям и устным сообщениям ее участников; с полным блеском оно выступает в настоящем монументальном труде. Техническая сторона издания может быть признана идеальной даже и в условиях нормального времени.

И. Кр.

● Государственным Эрмитажем в ноябре 1922 г. открыта временная выставка сасанидских древностей, богатством которых Россия по праву гордится перед Западной Европой. Хранителем Эрмитажа И. А. Орбели выпущена роскошно изданная брошюра, которая помогает интересующимся не только разобраться в выставочных предметах, но и во всех вопросах, связанных с сасанидским искусством. Несмотря на небольшой объем брошюры (15 стр. in 4°), она дает полную характеристику сасанидского искусства, удачно восполняющую отсутствие аналогичных очерков и в России, и в Европе. Редкое мастерство в распоряжении материалом не только основной области, но и всех с нею смежных, дает право видеть в И. А. Орбели достойного продолжателя пок. акад. Я. И. Смирнова, лучшего в мире знатока сасанидских древностей.

И. Кр.

